

1. ГУМАНИТАРНЫЕ ВЫЗОВЫ И ГУМАНИТАРНОЕ РЕАГИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

Е.А.Степанова

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-11-43

Аннотация Статья посвящена тому, как меняющийся характер вооруженного насилия в современных конфликтах влияет на положение гражданского населения и гуманитарную обстановку. На основе материалов ведущих баз данных по конфликтам проведен анализ тех современных тенденций в области различных форм насилия в конфликтных зонах, которые сильнее всего отражаются на гуманитарной безопасности и положении гражданского населения. Намечены основные гуманитарные последствия таких изменений и виды гуманитарного ущерба населению – от прямых людских потерь и разрушения базовой инфраструктуры до вынужденного перемещения и непрямого ущерба в результате голода, болезней и т.п. В заключении сделаны выводы о значении анализа гуманитарных последствий и аспектов современных конфликтов для гуманитарной политики и об ее связи с проблемами урегулирования конфликтов.

Ключевые слова вооруженные конфликты, гуманитарная безопасность, гуманитарный ущерб, гражданские войны, фрагментация насилия, возобновляемость конфликтов, интернационализация конфликтов, транснационализация, вооруженные негосударственные игроки, негосударственные конфликты, криминализация, приватизация войны, жертвы военных действий, гражданские потери, одностороннее насилие против гражданского населения, терроризм, беженцы, внутренне перемещенные лица, не прямые потери среди гражданского населения, голод, эпидемии, гуманитарная безопасность (безопасность человека и общества)

Title: Humanitarian aspects of modern conflicts

Abstract The article explores how the changing nature of armed violence in modern conflicts affects humanitarian situation and civilian population. The analysis is based on data from the lead conflict datasets and focuses on those modern trends in the forms of armed violence widespread in conflict areas that leave the heaviest footprint on human security and on the state of civilians. The main humanitarian consequences of evolving patterns of violence in conflict and types of damage to civilian population are identified – from direct human losses and destruction of basic infrastructure to forced displacement and indirect damage from hunger, diseases etc. Conclusions include findings about the significance of the study of humanitarian aspects of modern conflicts and their effects on civilian population for humanitarian policy and the way humanitarian activity is interlinked with conflict management and conflict resolution.

Степанова Екатерина Андреевна – ведущий научный сотрудник, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М.Примакова РАН, д.полит.н.

Keywords armed conflicts, humanitarian security, humanitarian damage, civil wars, fragmentation of violence, conflict recurrence, internationalization of conflicts, transnationalization, armed non-state actors, non-state conflicts, criminalization, privatization of war, battle-related deaths, civilian losses, one-sided violence against civilians, terrorism, refugees, internally displaced persons, indirect civilian damage, hunger, epidemics, human security

I. Введение

Несмотря на все многообразие вооруженных конфликтов начала XXI в., по большинству параметров они довольно существенно отличаются, а по некоторым – разительно контрастируют с наиболее распространенными и интенсивными конфликтами второй половины XX в. Как меняющийся характер вооруженного противостояния в современных конфликтных зонах влияет на положение гражданского населения и гуманитарную обстановку? Какую роль в этом играют изменения в методах ведения войны? Гуманитарное положение населения в условиях и в результате конфликтов начала XXI в. в целом улучшилось, по сравнению с последними десятилетиями прошлого века, или, напротив, обострилось? Какое влияние оказала транснационализация современных конфликтов и мировой политики на объективные, в т. ч. гуманитарные, реалии в этой сфере, с одной стороны, и на их субъективное восприятие, особенно на международном уровне, с другой? Что изменилось сильнее: реальная гуманитарная ситуация на местах, непосредственно в конфликтных зонах и в окружающих их регионах или отношение к этим реалиям на международном и региональном уровнях мировой политики?

В данной статье предпринята попытка вкратце ответить на ряд этих вопросов. В ней содержится обзор тех современных тенденций в области вооруженных конфликтов, которые сильнее всего отражаются на гуманитарной безопасности и положении гражданского населения. В статье также намечены основные гуманитарные последствия изменений в характере и формах вооруженного насилия и виды гуманитарного ущерба населению в конфликтных и постконфликтных зонах – от прямых людских потерь и вынужденного перемещения населения до непрямого ущерба, включая голод, болезни и т. п. В заключении сделаны выводы о значении анализа гуманитарных аспектов современных конфликтов и их последствий для гражданского населения для гуманитарной политики, а также об ее связи с проблемами урегулирования конфликтов.

II. Тенденции в вооруженных конфликтах и их влияние на положение гражданского населения

В статье используется определение вооруженного конфликта, основанное на методологии Программы данных о конфликтах Уппсальского университета,¹ но более широкое – в том смысле, что оно объединяет в себе вооруженные конфликты как с участием, так и без участия государства в качестве хотя бы одной из сторон. Согласно данному определению, вооруженный конфликт – это противостояние по вопросам контроля над государственной властью и/или территорией, который оспаривается с применением вооруженной силы организованными военными формированиями как минимум двух сторон и в ходе которого гибнет не менее 25 человек в год. Термин «война» относится лишь к наиболее интенсивным конфликтам, в ходе которых число убитых достигает 1000 и более человек в год. Наряду с конфликтами, хотя бы одна из сторон которых – государство, в статье используется категория «негосударственный конфликт» (конфликт между негосударственными вооруженными акторами), а также

понятие «одностороннее насилие» – т. е. не противостояние между воюющими сторонами (комбатантами), а прямое и преднамеренное применение насилия против невооруженного, гражданского населения.

В методологическом плане, с одной стороны, в попытках выявить некие объективные глобальные тенденции – как в динамике и характере конфликтов и других форм организованного политического насилия, так и в их гуманитарных последствиях – просто нет альтернативы работе с «большими данными» (“N-data”, или “Big Data”). Только анализ статистической информации ведущих международных баз данных в этой области позволяет говорить о глобальных тенденциях, опираясь не на субъективные ощущения или спекулятивные оценки, а на научно-методологическую основу. С другой стороны, чрезмерное увлечение количественными показателями, факторным анализом, механическими объяснениями и поиском универсальных математических закономерностей несет в себе и существенные риски при анализе социальной (а не чисто материальной) реальности. Например, можно упустить из виду, что те тенденции в области современных конфликтов, которые оказывают наибольшее влияние на гуманитарную ситуацию в конфликтных и постконфликтных зонах, могут быть связаны не только и *не столько с динамикой их количественных параметров*, сколько с *качественными изменениями* в их характере, а также с *меняющимся восприятием насилия* на разных уровнях мировой политики и, прежде всего, на глобальном уровне.

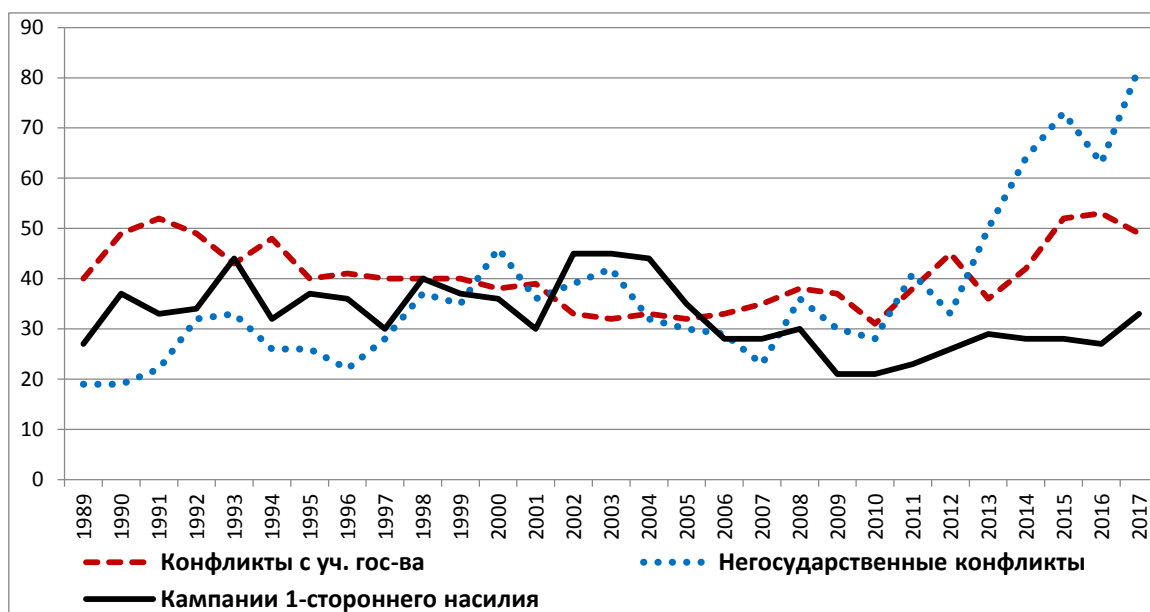
(а) Периферийные локальные конфликты и интернационализованные гражданские войны

В отношении числа конфликтов более традиционного типа (т. е. с участием государства в качестве хотя бы одной из сторон) на протяжении четверти века после окончания «холодной войны» говорить о какой-то одной устойчивой, явно выраженной тенденции или радикальных изменениях не приходится. Речь идет о колебаниях и неровной, причем, скорее, циклической динамике. За пиком начала 1990-х гг. (когда, сразу после окончания «холодной войны», число конфликтов этого типа возросло до 48–51 в год), последовал десятилетний спад их числа (до 30 в 2003 г., или на 40%). Однако энтузиазм по этому поводу со стороны пацифистов и иных идеалистически или прогрессистки настроенных наблюдателей, которые усмотрели в нем признак наступления всеобщего мира, длился недолго и, как обычно, разбился об объективную реальность. Численность конфликтов в мире начала выправляться уже в 2000-е гг., временно стабилизировавшись на уровне 34 конфликтов в год, а к середине 2010-е гг. вновь возросла до 50 конфликтов в 2015 г., 53 в 2016 г. и 49 в 2017 г., вернувшись к уровню двадцатипятилетней давности, т. е. начала 1990-х гг.²

Несколько лучше просматривается снижение числа особо интенсивных конфликтов (войн), хотя оно и не такое радикальное, как это представлялось еще 5–10 лет назад. Эта тенденция носит долгосрочный характер: если в 1950-е – 1980-е гг. войны составляли почти треть (31%) конфликтов, то в 1990-е – уже четверть, а в 2000-е – лишь 1/5 (19%). На рубеже XX–XXI вв. число таких конфликтов резко сократилось (с 15 в начале 1990-х гг. до 3 в 2006 г. – самого низкого показателя с 1957 г.). Однако к середине 2010-х гг. произошел откат в обратную сторону – до 11 конфликтов в 2015 г. (больше конфликтов последний раз было только в 1992 г.) и 10 в 2016–2017 гг. Показательно, что за исключением, например, войны на востоке Украины 2014–2015 гг.,³ которая быстро сменилась локальным противостоянием низкой интенсивности, на протяжении 2010-х гг. речь, как правило, шла об одних и тех же затяжных, но высоко интенсивных войнах – в Ираке, Афганистане, Сирии, Пакистане, Сомали, Йемене, Судане, Нигерии.

На этом фоне наиболее устойчивая и выраженная тенденция, которая также носит долгосрочный характер, связана с изменениями в преобладающем типе конфликтов по составу их участников. Суть этой тенденции, которая последовательно набирала силу еще с первых лет после окончания второй мировой войны, состоит в сокращении числа конфликтов между государствами по поводу именно межгосударственных противоречий. Параллельно росла доля внутренних конфликтов (гражданских войн) – вплоть до их полного доминирования над межгосударственными на мировой арене.

Рис. 1. Вооруженные конфликты (с участием и без участия государства) и кампании одностороннего насилия против гражданского населения, 1989–2017 гг.

Источник: Uppsala Conflict Data Program, 2018. Department of Peace and Conflict Research, Uppsala University, Sweden

Еще за годы «холодной войны» (1946–1991 гг.) число гражданских войн возросло в 12 раз (сильнее, чем когда-либо за период с XIX в.), особенно в условиях слабости новых, постколониальных государств и отчасти в силу политико-идеологической поляризации в рамках биполярной системы. Однако эта тенденция никуда не делась и после окончания «холодной войны», а в начале XXI в. преобладание гражданских войн (в т. ч. с внешним вмешательством) над классическими войнами между государствами стало почти абсолютным: число межгосударственных конфликтов в год на этом этапе стремилось к нулю, а, например, в 2015 г. лишь один конфликт носил межгосударственный характер.

Иными словами, война в ее классическом понимании – как масштабное конвенциональное противостояние между армиями двух и более государств – фактически ушла в прошлое: в XXI в. 97–100% всех конфликтов составляют внутрисостоятельные конфликты. При этом, хотя их общее число в последние десятилетия колебалось, оно также перестало расти и даже несколько сократилось. На этом фоне можно выделить два основных типа современных конфликтов.

Периферийные локальные конфликты

Первый и преобладающий по численности и по распространенности в современном мире тип конфликтов – это локальные конфликты сравнительно низкой интенсивности, как правило, на периферии дееспособных государств, в целом контролирующей свою территорию за пределами конфликтной зоны. В таких конфликтах у повстанцев практически нет шансов победить правительственные силы военным путем: за период с 1990 г. не более 5% конфликтов завершились победой повстанческих сил. К середине 2010-х гг. таких конфликтов в мире было около 40 (приблизительно столько же, сколько и в середине 1990-х гг.). Среди них оставалось несколько застарелых конфликтов, тянувшихся в той или иной форме со второй половины XX в. (в Колумбии, на Филиппинах, ряд конфликтов в Мьянме), однако большинство все же представляло собой относительно непродолжительные, зато часто возобновляющиеся, низко интенсивные локальные конфликты с высокой степенью фрагментации насилия.

Распространено мнение о том, что главная причина наиболее типичных современных вооруженных конфликтов и их затяжного характера – это неспособность ослабленных, слабых (ограниченно дееспособных) или вовсе развалившихся государств справиться с ними. Однако на практике в отношении этого наиболее распространенного типа современных конфликтов с участием государства дело обстоит *с точностью до наоборот*. Большинство государств в локальных конфликтах на своей территории во всех отношениях значительно сильнее повстанцев и в целом либо в состоянии держать ситуацию под контролем, предотвращая расползание и эскалацию таких конфликтов, либо успешно «задвигают» повстанцев все дальше «на периферию» как в территориально-региональном смысле, так и в плане национальной политической повестки. При этом, хотя повстанцы значительно слабее в военном отношении, а угрозы для центральной власти в общем невелики, цена сокрушительного, полного разгрома часто разрозненных повстанческих сил в относительно отдаленном районе страны также довольно высока. В этих условиях государство нередко делает выбор в пользу, скорее, относительно низкозатратной стратегии «сдерживания» такого локального, периферийного конфликта на минимальном уровне интенсивности, чем его полного «искоренения» любой ценой.

Забегая вперед, подчеркнем, что, несмотря на свою более широкую распространенность, такие локальные конфликты на территории относительно или полностью дееспособных государств обычно оборачиваются ограниченным людским ущербом, не несут в себе большого риска эскалации и не ведут к существенной дестабилизации международной безопасности. За некоторыми исключениями, они, как правило, не вызывают большого политического резонанса на глобальном уровне и не становятся объектом масштабной – или вообще какой-либо – интернационализации. Стоит ли говорить о том, что в международном масштабе *отнюдь не конфликты этого типа наиболее проблематичны с гуманитарной точки зрения*.

Интернационализованные гражданские войны высокой интенсивности

Несмотря на то, что в мире более широко распространены локальные, периферийные конфликты низкой интенсивности, в центре международного внимания, как правило, находится лишь несколько конфликтов совершенно иного типа. Этот тип – гораздо более крупная и интенсивная гражданская война, которая, как правило, сильно интернационализована и ведется на территории слабого, ослабленного или вовсе разваливающегося государства, иногда – более одного (сирийско-иракский конфликтный ареал). Хотя таких войн в мире немного, все они приобрели затяжной характер: наиболее яркие примеры – Ирак, Афганистан, Сирия, Сомали, Йемен.

Подчеркнем, что хотя эти конфликты – самые масштабные в начале XXI в., по своему охвату, интенсивности и составу участников они составляют разительный контраст с крупными «обычными войнами» второй половины XX в. Современные «большие войны» – это не относительно структурированное противостояние двух или нескольких организованных армий дееспособных государств, а чрезвычайно сложные комплексы различных форм насилия разного типа, уровня, интенсивности и мотиваций. Они носят гораздо более фрагментированный характер (т. е. ведутся с участием гораздо большего числа игроков, в большинстве своем – негосударственных акторов, от локальных группировок до квазигосударственных образований) и разворачиваются в условиях слабости или отсутствия государственной власти⁴ (когда монополия государства на насилие или отсутствует, или не соблюдается большинством участников).

Все эти затяжные и, по современным меркам, высоко интенсивные конфликты, как минимум, выходят на региональный уровень и обычно сочетаются с одной или несколькими параллельными внешними интервенциями. Уход со сцены мировой политики классических межгосударственных войн не означает, что ничто не пришло им на смену. Эту своеобразную «нишу» заполнили участвовавшие военные интервенции государств или группы государств в ход внутренних конфликтов в других странах на стороне одного или нескольких их участников (НАТО в Косово, США и их союзников в Афганистане и Ираке, Ефиопии (а затем и коалиции африканских стран) в Сомали, западно-арабской коалиции во главе с США в Сирии, России в Сирии, Саудовской Аравии в Йемене и т. д.). Именно это объясняет рост числа стран в мире, вовлеченных хотя бы в один конфликт – сейчас их больше, чем когда-либо за несколько десятилетий. В 1991 г. лишь 4% внутригосударственных конфликтов включали внешнюю интервенцию, в 2000 г. – 10%, а в 2010–2015 гг. – уже 40% (в 10 раз больше, чем в 1991 г.).

Влияние внешнего военного вмешательства со стороны государств или их коалиций и блоков на интенсивность и смертоносность внутренних интернационализированных конфликтов неоднозначно. В одних случаях именно внешняя интервенция сама становилась главным импульсом роста конфликтности или вела к эскалации уже шедшего внутреннего противостояния (США в Афганистане и Ираке). В других случаях интервенции становились реакцией (односторонней или многосторонней) на разрастающийся конфликт, по мере обретения им все более трансграничного характера и превращения его в угрозу региональной и международной безопасности (интервенции со стороны коалиции во главе с США и военная кампания России в Сирии). Тем не менее, общая закономерность такова: гражданские войны с внешней интервенцией в пользу одной из противоборствующих сторон в среднем в два раза более интенсивны и смертоносны, чем конфликты без внешнего вмешательства, и длятся дольше. Важно подчеркнуть, что, в отличие от XX в., в начале XXI в. военные интервенции со стороны региональных держав, в т. ч. не самых крупных и мощных даже по меркам своего региона, могут быть не менее смертоносны, чем интервенции со стороны ведущих мировых держав.

В целом, хотя эти крупные, интенсивные и затяжные интернационализированные гражданские войны составляют малую долю всех конфликтов, именно они представляют наибольшую угрозу международной безопасности на региональном и глобальном уровне. А главное, именно на них приходится львиная доля жертв вооруженных конфликтов в мире, как и жертв терроризма и другого насилия против гражданского населения.

(б) Фрагментация вооруженного насилия

Выход на первый план конфликтов двух указанных типов сопровождался еще одной долгосрочной тенденцией – ускоренной фрагментацией вооруженного насилия в ходе и контексте конфликтов. Фрагментация насилия ведет к некоторому снижению его интенсивности, но одновременно – к значительному росту числа и к диверсификации вооруженных акторов (большинство которых составляют негосударственные игроки), сочетающих разные форм насилия как против вооруженных оппонентов (государств, конкурирующих негосударственных военно-политических игроков, вооруженных криминальных группировок), так и против гражданского населения. Истоки этой тенденции уходят в послевоенный период и связаны с хронической слабостью постколониальных государств, внутри которых соперничающие друг с другом группировки после обретения независимости стали активно оспаривать контроль над властью. Однако этот процесс продолжил набирать силу и в начале XXI в., уже в условиях *глокализации* (одновременной глобализации и локализации) насилия. Хотя среднее число вооруженных негосударственных игроков на один конфликт выросло с 8 в 1950 г. до 14 в 2010 г.,⁵ в контексте ряда наиболее крупных, транснационализированных и интенсивных гражданских войн начала XXI в. число активных вооруженных игроков может достигать нескольких десятков. Примерами такой высокой фрагментации вооруженного насилия могут служить современные конфликты в Демократической Республике Конго (ДРК), Афганистане, Ираке, Дарфуре (Судан), Сомали, Сирии и Ливии.

В зависимости от контекста фрагментация насилия может принимать разные формы, причем эти формы могут сочетаться. Это, прежде всего, несколько конфликтов в одной и той же зоне, но по поводу разных противоречий (включая конфликты между негосударственными игроками). Возможна и ситуация, когда в одной и той же стране или конфликтной зоне несколько разных пар противоборствующих акторов (диад) воюют по поводу одного и то же противоречия – например, контроля над государственной властью, ресурсами, требования большей автономии или независимости и т. д. Сами современные повстанцы – это в основном уже не массовые партизанские армии времен антиколониальной борьбы, а сравнительно небольшие, но лучше организованные и вооруженные группировки, все чаще воюющие в городских условиях. Они постоянно конфликтуют не только с государством, но, иногда даже чаще – с соперничающими группировками, часто раскалываются или сливаются. Но главное, они более не нуждаются в значительной поддержке со стороны местного населения для того, чтобы выжить и продолжать борьбу (что в каком-то смысле развязывает им руки в отношении насилия против мирных жителей). Сами государства все более склонны полагаться в ведении вооруженной борьбы, особенно на локальном уровне, на аффилированные с ним, но относительно автономные военизированные (полувоенные) формирования лоялистского, часто праворадикального толка, и различные племенные, этноконфессиональные и иные «силы самообороны» (*джанджавид* в Дарфуре/Судане, *шабиха* в Сирии, суннитские племенные формирования или шиитский Корпус Бадр в Ираке, правонационалистические «батальоны» в конфликте на востоке Украине и т. д.). Помимо формирований более или менее отчетливого повстанческого или лоялистского толка, фоном многих современных конфликтов становится активность локальных полевых командиров и их формирований (местных «князьков», клановых объединений, полукриминальных банд и т. п.). Их, по большому счету, мало интересует политическая сторона вооруженного конфликта – они в основном воюют за власть и ресурсы на местном уровне. Хотя такое «местническое» противостояние не очень интенсивно (по сравнению, например, с конфликтом между правительственными силами и организованными повстанческими формированиями), в случае, если оно провоцирует или накладывается на менее

организованные, но более массовые межобщинные или внутриобщинные столкновения, насилие может приобрести ожесточенный характер и повлечь большие жертвы среди населения.

Чем сильнее фрагментация насилия, тем большими оппортунистами становятся все его участники, в т. ч. переходя с одной стороны конфликта на другую. Хотя далеко не все они воюют друг против друга, а многие предпочитают более традиционным боестолкновениям засады, теракты, стычки и т. п., практически все такие игроки в той или иной степени вовлечены в полукриминальное насилие грабительно-рэкетирского типа, а многие практикуют одностороннее насилие против гражданского населения.

На практике в полевых условиях бывает непросто провести четкое разграничение между разными формами такого диффузного, фрагментированного насилия, особенно если они применяются в одной и той же зоне и одними и теми же игроками. Скорее, все разновидности насилия сливаются в сложный, хаотичный узел, приобретающий собственную логику, самовоспроизводящуюся динамику и глубоко укорененный и циклический характер. Такие циклы насилия могут сохраняться в течение длительного времени и генерировать новое насилие даже на этапе урегулирования и после вооруженного конфликта. К тому же, в современных условиях фрагментация вооруженного насилия более не равнозначна его локализации. Такое насилие контекстно, но сильно подвержено транснационализации: оно с особенной легкостью обретает трансграничный характер, иногда выходит на региональный, а в отдельных случаях – и на более широкий транснациональный уровень (как в случае с потоками боевиков-террористов из различных конфликтных зон в районы под контролем «Исламского государства» (ИГ, или ИГИЛ) в Ираке и Сирии в середине 2010-х гг.).

(г) Высокий уровень возобновляемости конфликтов и изменения в их исходе

С процессами фрагментации и транснационализации насилия связана одна из явно выраженных, относительно новых и наиболее тревожных тенденций в динамике современных конфликтов. Она состоит в участившемся возобновлении конфликтов, считавшихся уже погасшими или урегулированными. Если в 1990-е гг. число возобновившихся конфликтов впервые в истории стало превышать число новых, то в 2000-е гг. уже 80% всех начавшихся конфликтов являлись возобновлением старых и, опять-таки впервые, до 60% конфликтов, считавшихся завершенными, вновь обострялись в течение пяти лет. Большинство таких возобновляющихся конфликтов, правда, носили эпизодический, спорадический и низко интенсивный характер и длились недолго (и лишь некоторые – в Мьянме, Кашмире и Ассаме (Индия), на Филиппинах и в Колумбии – носили более затяжной характер).

Для того чтобы возобновиться, конфликт сначала должен закончиться или, как минимум, прерваться на статистически значимое время (более года). Частое возобновление современных конфликтов напрямую связано с изменениями в том, каким образом они заканчиваются (а точнее сказать, затухают).

Статистически доказано, что военное решение конфликта – путем победы одной из сторон и, соответственно, разгрома или критического ослабления другой – является самым устойчивым, т. е. реже всего ведет к возобновлению того же конфликта. В 1950–2004 гг. 82% военных решений конфликтов оставались в силе в течение минимум пяти лет после окончания конфликта – что неудивительно, так как военное поражение одной из сторон ведет к уничтожению или подрыву ее вооруженного потенциала. Если в 1950-е – 1970-е гг. военные решения преобладали в качестве исхода конфликтов, то по мере того, как основным их видом стали не межгосударственные, а гражданские войны (которые в принципе труднее «выиграть»),

доля военных исходов сократилась: в 2000 г. уже лишь один из десяти конфликтов завершался военной победой одной из сторон.

Позитивной тенденцией можно считать то, что параллельно конфликты все чаще стали завершаться мирным исходом, достигнутым путем переговоров (полноценными соглашениями о мире или перемириями). В начале XXI в. доля таких решений конфликтов достигла 40%, по сравнению с 20% в период «холодной войны». Они менее стабильны, чем решение конфликта военным путем, но вес же остаются в силе в 68% (мирные соглашения) и 62% случаев (соглашения о перемирии). Возобновление конфликта после его прекращения, достигнутого путем переговоров, часто происходит по инициативе вооруженных группировок, не поддерживавших или не включенных в переговорный процесс. Если вооруженное противостояние возобновляется вследствие провала полноценного мирного соглашения, то оно обычно менее интенсивно, чем до заключения мира (что, впрочем, не относится к возобновлению военных действий после провала соглашений о перемирии). Подчеркнем, что, вопреки расхожему мнению, переговорные решения не столько *конкурируют* с военными исходами конфликтов (как альтернативным путем их завершения), сколько адресованы, подходят и срабатывают применительно к тем конфликтам, где стороны зашли в тупик в военном отношении и которые *в принципе вряд ли имеют военное решение*. При этом устойчивое решение конфликта – будь оно достигнуто военным путем или в результате переговоров – наиболее вероятно в отношении более или менее структурированных конфликтов со сравнительно ограниченным числом игроков.

Проблема, однако, заключается в том, что на современном этапе и военные, и переговорные способы завершения конфликтов уступают (даже вместе взятые) иному типу их исхода – неявному, автономному затуханию вооруженного противостояния в отсутствие какого-либо выраженного решения конфликта. Преобладание такого исхода конфликтов, к которому хорошо подходит часть знаменитой фразы Л.Д.Троцкого «ни мира, ни войны...»,⁶ наблюдается еще с конца XX в., но стабильно сохраняется и сегодня. Характерно (и логично), что именно такие конфликты, казалось бы, угасшие, «рассосавшиеся» сами по себе, без какого-либо явного решения или урегулирования соответствующих противоречий, как раз чаще всего склонны к возобновлению (хотя вооруженные столкновения в таких случаях менее интенсивны, чем в случае возобновления конфликтов после любого другого исхода конфликта). Преобладание временного угасания как исхода конфликтов, в отсутствие их мирного или военного решения и в купе с их участвовавшим возобновлением, является одним из наглядных проявлений более общей тенденции к фрагментации вооруженного насилия. Она способствует снижению его интенсивности, но в то же время сильно затрудняет устойчивое урегулирование конфликта.

(д) Рост роли вооруженных негосударственных игроков

Из немногих однозначных, ярко выраженных тенденций в динамике и характере современных конфликтов и других форм насилия, распространенных в конфликтных зонах, одной из важнейших является рост роли, активности и числа негосударственных вооруженных игроков. Достаточно отметить три аспекта этой тенденции.

1. *Динамика негосударственных конфликтов.* Феномен конфликтов между негосударственными игроками (без участия государства) стал систематически изучаться лишь в XXI в., а статистика по этому виду конфликтов доступна лишь за период с 1989 г. Между тем, общее число таких конфликтов за этот период сравнимо с числом конфликтов с участием государства. Иными словами, в последние три десятилетия почти половина всех конфликтов в мире проходит без прямого участия государства. В 1990-е – 2000-е гг. динамика негосударственных конфликтов не демонстрировала резких колебаний, хотя их число медленно росло. Однако с 2010 г.

число негосударственных конфликтов начало резко расти (с 28 в 2010 г. до 82 в 2017 г., или на 66% за семь лет), а с 2011 г. оно стало систематически превышать число конфликтов с участием государства, причем в отдельные годы – значительно: в 1,4 раза в 2015 г. и почти в 1,7 раз в 2017 г.⁷ (см. *Рис. 1*). Если эта тенденция сохранится, то *негосударственные конфликты могут стать наиболее распространенным типом вооруженных конфликтов*, по крайней мере, по численности (в плане географического распределения, большинство таких конфликтов приходится на страны Африки южнее Сахары).

Негосударственные конфликты более скоротечны и сильно уступают конфликтам с участием государства по числу жертв (за 1989–2017 гг. оно составило почти 172 тыс. человек, т. е. лишь 12,7% жертв конфликтов с участием государства – см. *Рис. 2*). Однако это число также растет (в 2010-е гг. оно в среднем выше, чем в два предыдущих десятилетия) и в 2017 г. достигло своего самого высокого показателя (более 14200 убитых) за весь период, по которому доступна статистика. Из других особенностей негосударственных конфликтов следует отметить, что, в силу своего более локализованного характера, они, как правило, теснее связаны с социально-экономическими факторами и противоречиями, а также с изменениями окружающей среды (нехваткой воды, опустыниванием, сокращением пригодной для обработки земли, других ресурсов и т. д.). Тревогу вызывает и следующий парадокс: наибольшее число жертв в негосударственных конфликтах, как правило, приходится на менее организованные их формы, т. е. на те случаи, когда противостояние между относительно организованными вооруженными группировками сочетается с более массовым и неконтролируемым межобщинным насилием с участием неформальных акторов и гражданских лиц.

2. Рост роли негосударственных вооруженных акторов в одностороннем насилии против гражданского населения. В начале XXI в. негосударственные акторы не просто стали активнее применять насилие против гражданских лиц. Если большинство гражданских потерь, понесенных непосредственно в ходе военных действий между вооруженными комбатантами (т. н. «побочный» гражданский ущерб) традиционно приходится на долю государств, то начиная с 2001 г. негосударственные акторы впервые обошли силовые структуры государств по числу мирных жителей, убитых ими в рамках кампаний прямого и преднамеренного насилия против гражданского населения. В XXI в. именно на негосударственных вооруженных игроков пришлось 70% таких гражданских потерь,⁸ что является принципиально новым феноменом (подробнее см. ниже в разделе об одностороннем насилии).

3. Новые разновидности конфликтов с участием негосударственных игроков. По составу участников вооруженные конфликты традиционно подразделялись на межгосударственные, внутригосударственные (в т. ч. интернационализированные, т. е. с внешней интервенцией в ход внутреннего конфликта) и негосударственные (между негосударственными игроками). Однако в начале XXI в., с ростом роли негосударственных игроков и трансграничного характера конфликтов (а иногда и их более широкой транснационализацией) получили распространение *конфликты между государством и негосударственным актором, происходящим из, базирующимся и в основном оперирующим на территории другого государства*. В числе таких «экстрасистемных» конфликтов из только официально заявленных и признанных – противостояние Израиля и ливанского движения «Хизбулла» в 2006 г., столкновения Армии освобождения бога с правительственными силами чуть ли не каждой стране Центральной Африки, операции Турции против курдских сил в Сирии и Ираке (и в меньшей степени против ИГИЛ в Сирии) и т. д. Такую форму конфликта, только уже на глобальном уровне, приняло «экстрасистемное» противостояние между аль-Каидой и США (и их союзниками), которое особенно явно продемонстрировало, что отдельные виды современных конфликтов могут быть вообще не привязаны к какой-то конкретной

территории или даже лишь к нескольким конфликтным зонам, а носить поистине экстерриториальный характер. Еще одной новой формой конфликта стало противостояние двух и более группировок, одна (или ни одна) из которых не происходит из страны, на территории которой они воюют (например, противостояние ливанской «Хизбуллы» и иракских шиитских милиций с ИГИЛ в Сирии). Возросло число вооруженных группировок, периодически «слоняющихся» по разным странам своего региона, базируясь то в одной, то в другой, то в третьей стране (Армия бога в Центральной Африке, Исламское движение Узбекистана и ряд более мелких группировок в Центральной/Южной Азии и т. п.).

Наконец, появляются новые виды противоречий, которые оспариваются в ходе вооруженного противостояния. По этому признаку конфликты традиционно подразделялись, в т. ч. в международных базах данных, на две широкие категории. Это либо (1) конфликты, которые ведутся за контроль над государственной властью в стране, например, нацеленные на насильственную смену правящего режима, изменение характера государственно-политического устройства, перераспределение власти и ресурсов внутри государства (к этой категории принадлежало большинство наиболее ожесточенных конфликтов в мире с 1946 г.), либо (2) конфликты, в которых противоборствующие стороны (государства в противостоянии другим государствам или вооруженные сепаратистские движения) оспаривают контроль над территорией; конфликты этой категории преобладали численно. Иногда имело место сочетание этих противоречий в рамках одного конфликта. Однако небольшой, но быстро растущий ряд современных конфликтов, включая некоторые из наиболее интенсивных, уже с трудом подпадает или вообще не подпадает ни под одну из этих традиционных категорий. За что, например, шла борьба квазигосударственного образования ИГИЛ (за рамками банального контроля над территорией в районах своего основного базирования в Сирии и Ираке) или велось противостояние Израиля и «Хизбуллы» в 2006 г. – за сочетание, в первом случае, глобального, во втором – регионального влияния с (религиозно)-идеологическими императивами?

(ж) Криминализация конфликтов и приватизация войны

Независимо от вооруженных конфликтов, криминальное насилие в мире (преднамеренные убийства с криминальными материально-экономическими целями, в т. ч. со стороны организованных преступных группировок) распространено гораздо шире, чем любые формы политического насилия, даже вместе взятые. Из более полумиллиона (508 тысяч) насильственных смертей в мире в 2007–2012 гг. подавляющее большинство (377 тысяч) пришлось именно на криминальное насилие и лишь 70 тысяч – на основные виды политического насилия, включая вооруженные конфликты, что составило лишь 18,6% от числа жертв криминального насилия.⁹ То, что криминальное и политическое насилие – это разные феномены с разным комплексом причин, подтверждает и их региональное распределение. В конце XX – начале XXI в. в абсолютных лидерах по уровню криминального насилия в мире были Центральная Америка и Южная Африка, т. е. совсем не те регионы, которые наиболее подвержены вооруженным конфликтам.¹⁰ Из регионов «второго эшелона» по уровню криминального насилия (которые также включают Южную Америку и страны Карибского бассейна), только «средняя» (Западная, Центральная и Восточная) Африка демонстрирует относительно высокий уровень и криминального насилия, и конфликтов.

Традиционно, ключевая связь конфликтов с преступностью и теневой экономикой лежит в сфере политэкономики конфликтов – прежде всего, в использовании вооруженными игроками доходов от криминально-теневой экономической деятельности (осуществляемой ими как самостоятельно, так и в сотрудничестве с организованной преступностью) в качестве ресурса для ведения войны, материально-

технического обеспечения и самофинансирования. Обратная связь в основном состоит в том, что вооруженный конфликт ослабляет или подрывает государственную власть и контроль и ведет к дестабилизации законности и порядка, что облегчает разные виды насилия, в т. ч. чисто криминальное. С сокращением после «холодной войны» доли финансирования вооруженных антиправительственных группировок со стороны государств двух в прошлом противоборствующих блоков, доля теневых доходов в системах финансирования негосударственных участников конфликтов возросла, иногда вплоть до их перехода на полное самофинансирование.¹¹ Укрепление финансовой автономности таких игроков, в свою очередь, не только снижает стимулы к их участию в процессах мирного урегулирования конфликтов, но и повышает риск более активного применения ими неизбирательного насилия против гражданского населения. Вооруженные игроки, имеющие устойчивые теневые доходы (особенно от прибыли на внешних рынках) меньше заинтересованы в поддержке со стороны местного населения и помощи ему и могут себе позволить набирать больше боевиков среди наемников (т. е. за деньги), а не только «идейных». Возросшие возможности повстанческих группировок по финансированию своей вооруженной активности и получению теневой прибыли независимо от их социальной базы повышает вероятность их участия в насилии против гражданского населения.

Если выше речь шла лишь об усилении долгосрочного тренда, то в начале XXI в. предметом особого беспокойства, в т. ч. в плане угроз для гражданского населения, стали и две относительно новые тенденции. Первая состоит в том, что в ряде регионов (особенно в Центральной Америке и в Южной Африке) интенсивность вооруженного противостояния между государством и организованными преступными объединениями, а также между самими конкурирующими наркокартелями (а также ОПГ других типов) не просто достигла уровня полноценных боестолкновений, а в отдельных случаях даже превысила степень интенсивности наиболее острых и масштабных военно-политических конфликтов. Такие криминальные конфликты высокой интенсивности, напрямую связанные с изменениями маршрутов межрегиональной контрабандной торговли (прежде всего, наркотрафика) и соответствующим переделом теневых рынков, перестали уступать конфликтам в их традиционном военно-политическом понимании и по продолжительности, и по географическому охвату насилия. Вооруженное противостояние этого типа «конфликтом» пока не считается и в качестве такового не регистрируется (в т. ч. в международных базах данных по конфликтам), но именно на него, например, пришелся беспрецедентно резкий рост числа убитых в странах Центральной Америки в период с 2007 по 2011 г., в течение которого оно практически удвоилось.¹² Для сравнения: за период с 2006 г. число погибших в «боевых» разборках между наркокартелями и в противостоянии между картелями и правительственными силами в Мексике превысило, например, людские потери в ходе крупной гражданской войны в Судане, а с 2008 г. – даже число погибших в вооруженных конфликтах в Ираке и Афганистане.

Вторая тенденция связана с уже упоминавшимся подспудным контекстом, или фоном, большинства современных конфликтов. Динамика и характер значительной части насилия в конфликтной зоне, особенно на местном уровне – зачастую ближе к банальному бандподполью, засилью полукриминальных полевых командиров и местных «князьков» со своими военизированными формированиями, чем к противостоянию по поводу принципиальных политических противоречий (контроль над государственной властью, передел властных полномочий и ресурсов на национальном уровне, расширение политической автономии вплоть до отделения). На уровне такого локального полубандитизма насилие против гражданского населения применяется не столько в конкретных политических целях, сколько ради материальной выгоды или утверждения вооруженным актором контроля на местном уровне – над отдельным

районом, ресурсами и т. п. Полевые командиры могут в равной степени быть как бывшими руководителями повстанческих формирований (которые, не добившись своих политических целей, решают не складывать оружие, а использовать его в борьбе за власть и влияние на местном уровне) или бывшими, «отвязавшимися» от государства силовиками, так и бандитами. И те, и другие, как правило, не пользуются поддержкой среди местного населения и стремятся держать его в страхе, периодически применяя насилие в целях грабежа, незаконных поборов, насильственного пополнения собственных рядов и устрашения. Такое насилие обычно носит оппортунистский характер, когда предпочтение отдается максимально «легким» мишеням и беззащитным целям, включая женщин и детей. Хотя оно обычно не ведет к большим жертвам, непредсказуемый, полуспонтанный и жестокий характер нападений на мирных жителей нередко оборачивается большим числом заложников и вынужденно перемещенных лиц. Так как это насилие не носит «целевого» характера (т. е. не направлено лишь против какой-то одной конкретной или компактно проживающей группы людей по этническому, религиозному и другим принципам), а сосредоточено там, где можно больше награбить и «отжать», встретив при этом наименьшее сопротивление, оно может происходить повсеместно – в любой точке в районе конфликта.

Отдельного внимания заслуживает и все более явно выраженная тенденция *приватизации вооруженного насилия* в контексте конфликтов. Она выражается в растущей роли частных военных (и охранных) компаний (ЧВК) как субподрядчиков ряда государственных функций в военной сфере и в области безопасности – в конфликтах с участием государств, особенно развитых стран мира, за его пределами (в основном в странах Азии, Африки и Ближнего и Среднего Востока). Этот феномен ни в коем случае не стоит путать или смешивать с активностью местных, автохтонных вооруженных группировок, по тем или иным причинам воюющим на стороне государства, а не против него, – в данном случае речь идет о профессиональных иностранных наемниках, в основном бывших силовиках. Хотя природа ЧВК в конфликтных зонах сильно отличается от описанного выше феномена военизированных местных полевых командиров полукриминального толка, общее у них то, что и те, и другие делают «бизнес на войне».

С одной стороны, феномен растущей в геометрической прогрессии роли ЧВК в современных конфликтах разной степени транс- и интернационализации имеет свою объективную логику, экономическую и политическую основу. Даже для развитых стран и экономик мира поддержание на должном уровне современных высокотехнологичных вооруженных сил – дело затратное, особенно с учетом того, что после «холодной войны» ряд западных стран сократили свои военные расходы. Между тем, задача повышения стратегической и оперативно-тактической гибкости в ходе операций военного и невоенного типов в сложных условиях фрагментированных, многослойных конфликтов с массой участников в удаленных регионах становится все более актуальной. Один из способов решения этой задачи, доступный тем государствам, которые способны за это заплатить, – это *аутсорсинг* ряда задач: от технического обеспечения, охранных функций и отдельных диверсионных, разведывательных и иных операций – до того, что можно назвать «грязной работой» (действий, с которыми государство по тем или иным причинам ассоциироваться не хочет, в т. ч. операций, особенно проблематичных с точки зрения гражданского ущерба, нарушения прав человека и т. д.).

Современный глобальный рынок услуг ЧВК огромен: по оценкам “Transparency International”, его объем достигает 200 млрд. долл. в год.¹³ Этот рынок конкурентен и продолжает расти, тем более что на услуги ЧВК растет спрос не только у государств – ими пользуются и бизнес-корпорации, и международные организации, и НПО. На глобальном рынке ЧВК с большим отрывом от остальных лидируют британские и

американские ЧВК, за которыми следуют ЧВК из других стран Европы и ЮАР. Впервые число профессиональных наемников сравнялось с численность военного персонала западных стран еще в ходе балканских войн (в Боснии и Косово). В Ираке соотношение в среднем было 1:1 (примерно по 95 тыс. человек на 2013 г.).¹⁴ Характерно, что для США практически за весь период, по которому доступна официальная информация (с 2008 г.), численность персонала сотрудников ЧВК в Ираке до вывода оттуда американских регулярных войск в декабре 2011 г. превышала число военного персонала в течение 3 лет из 4 (а после вывода вооруженных сил в Ираке в основном остались ЧВК). Эта же тенденция наблюдалась и в Афганистане: за период с 2008 по 2014 г. во все годы (за исключением 2011 г.) число работавших по госконтрактам США сотрудников ЧВК превышало число американских военнослужащих (наиболее сильно – в соотношении 1,6:1 – в 2012 г., когда на 68 тысяч военнослужащих приходилось 109,5 тысяч наемников-сотрудников ЧВК).¹⁵

С другой стороны, хотя такой аутсорсинг со стороны государств повышает оперативную гибкость их военных операций, он неизбежно ведет к размыванию, а то и частичной потере контроля над действиями ЧВК, для которых на войне главное – сама война как бизнес, а не некие высшие интересы национальной (государственной) безопасности и тем более не интересы общественного блага, включая прекращение конфликта и его мирное урегулирование, не говоря уже о положении гражданского населения. Чем сильнее функции ЧВК вторгаются в поле государственной монополии на насилие – тем больше проблем вызывает их активность как с точки зрения ее (не)легитимности, так и особенно с точки зрения ее последствий для гражданского населения.

Итак, конфликтный потенциал в мире за период с конца XX в. не пошел на спад – меняются лишь его преобладающие формы и проявления. С одной стороны, практически ушли в прошлое масштабные обычные войны между государствами, а с ними – и сотни тысяч или даже миллионы убитых в боях в год. С другой стороны, традиционные асимметричные конфликты с участием государства, в т. ч. наиболее интенсивные, приобретают все менее структурированный и более сложный, фрагментированный характер, все реже заканчиваются решительной победой одной из сторон или устойчивым миром и все сильнее склонны к возобновлению в течение нескольких лет. Традиционные конфликты с участием государства также больше не являются единственным доминирующим видом организованного коллективного насилия – во многих контекстах их сопровождают и даже соперничают с ними, в том числе по распространенности и интенсивности, негосударственные конфликты и кампании одностороннего насилия против гражданского населения. В эпоху сложного и усиливающегося взаимодействия процессов глобализации и локализации (*глокализации*) вооруженное насилие все чаще игнорирует государственные границы, все легче перекидывается на соседние страны и может, даже возникнув на сугубо местной (национальной) почве, выходить на уровень региона и даже взаимодействовать с более широкими транснациональными сетями. Большинство вооруженных акторов в современных конфликтах – это негосударственные игроки. Их многообразию нет пределов – от более традиционных повстанческих (повстанческо-террористических) группировок до военно-религиозно-идеологических квазигосударств-армий, а также формально прогосударственных, но мало контролируемых «милиций», полукриминальных группировок и формирований местных полевых командиров, часто напрямую не связанных с повесткой дня конфликта. При этом негосударственный актер – это более не локальный игрок: все наиболее крупные и смертоносные негосударственные вооруженные акторы начала XXI в. действовали, как минимум, на региональном уровне. Наконец, государства в современных

конфликтах теряют не просто монополию на насилие, но и ведущую роль в отдельных его формах.

Современные конфликты – не такие масштабные и смертоносные по числу боевых потерь, как крупные межгосударственные войны XX в. Но стало ли от этого проще их (у)регулировать – любым способом, от одностороннего или многостороннего военного решения до мирного процесса? Неуправляемый, фрагментированный характер вооруженного насилия в современных конфликтах, их колеблющаяся интенсивность, размытый географический ареал, подверженность ускоренной транснационализации и обилие участников разных типов в совокупности усиливают друг друга и создают своеобразный, самовоспроизводящийся «порочный круг». Он приобретает свою логику и динамику и настолько укореняется в конфликтной зоне, что даже формальное урегулирование политических противоречий, по поводу которых начался конфликт, не обязательно ведет к прекращению или снижению уровня насилия. Контроль над такими конфликтами и их устойчивое урегулирование на разных уровне мировой политики затруднены. Число мирных процессов и соглашений, резко возросшее было в первые годы после окончания «холодной войны», с тех пор значительно сократилось, а их эффективность в лучшем случае ограничена небольшим числом конфликтов. По сравнению с периодом 1990-х гг., современные операции ООН по поддержанию мира разворачиваются на гораздо более длительный срок с неясными результатами. Остро актуальным и дискуссионным остается и вопрос о том, ведут ли современные конфликты, несмотря на свою более низкую интенсивность, по сравнению с классическими войнами XX в., к меньшему гуманитарному ущербу для населения.

III. Основные гуманитарные аспекты и последствия современных конфликтов

«Усредненный» современный конфликт – слабо структурированное, сильно фрагментированное и транснационализированное вооруженное противостояние низкой-средней интенсивности с размытыми границами и множеством участников – сильно отличается от доминирующего типа конфликтов XX века (относительно масштабных и структурированных обычных войн), но не менее проблематичен с точки зрения своих гуманитарных последствий. В этом смысле наибольшую тревогу вызывают: высокая степень возобновляемости конфликтов и проблемы с их устойчивым урегулированием; растущие число, доля, диверсификация и роль негосударственных вооруженных акторов, в т. ч. в насилии против гражданского населения, а также не снижающийся совокупный – прямой и опосредованный – ущерб мирному населению в результате конфликтов.

С одной стороны, в большинстве случаев грань между гражданскими лицами¹⁶ и комбатантами сохраняется, как и возможность определить, что насилие носит неизбирательный характер (т. е. применяющая его сторона решает свои военные задачи невзирая на масштаб «побочного ущерба» среди населения) или направлено напрямую против гражданского населения. С другой стороны, в эпоху доминирования внутригосударственных конфликтов, их фрагментированного и «местнического» характера и многообразия акторов и форм насилия в конфликтной зоне сама грань между вооруженными участниками конфликта и гражданскими лицами может быть сильно размытой. Растет не только роль организованных негосударственных вооруженных игроков в конфликтах, но и участие в них отдельных категорий населения. Оно включает создание отрядов самообороны, полуорганизованное/полуспонтанное межобщинное насилие (в ходе которого рядовые жители становятся и жертвами, и основными исполнителями насилия, причем эти роли для них могут меняться с каждым новым циклом насилия), милитаризацию беженцев,

роль потоков беженцев в транснационализации конфликта и контрабанде легкого и стрелкового оружия, роль гражданского населения в системе логистической поддержки вооруженных группировок и т. п. Все это следует иметь в виду, хотя следующие разделы данной статьи и посвящены гуманитарным последствиям конфликтов *для мирного населения*, в т. ч. гражданским жертвам вооруженного насилия.

Гуманитарная ситуация усугубляется распространенностью и укорененностью в конфликтных зонах, наряду с конфликтом как таковым (вооруженным противостоянием между комбатантами), других форм насилия (одностороннего насилия, включая этнические чистки, терроризма, межобщинного и (полу)криминального насилия и т. п.), бо́льшая часть которых в основном направлена против гражданского населения. Это сильно осложняет задачу регулирования конфликтов и гуманитарную работу в конфликтных и постконфликтных условиях, в т. ч. с точки зрения международного гуманитарного права. Как отметил президент Международного комитета Красного Креста (МККК) Петер Маурер: «Все чаще оказывается, что мы работаем в нестабильных ситуациях..., ситуациях насилия, которые в строгом смысле слова не являются вооруженным конфликтом..., не достигают уровня, когда применимо международное гуманитарное право, а характеризуются иными видами насилия и регулируются внутригосударственным правом и правом прав человека».¹⁷

(а) Прямые потери среди гражданского населения в ходе конфликта

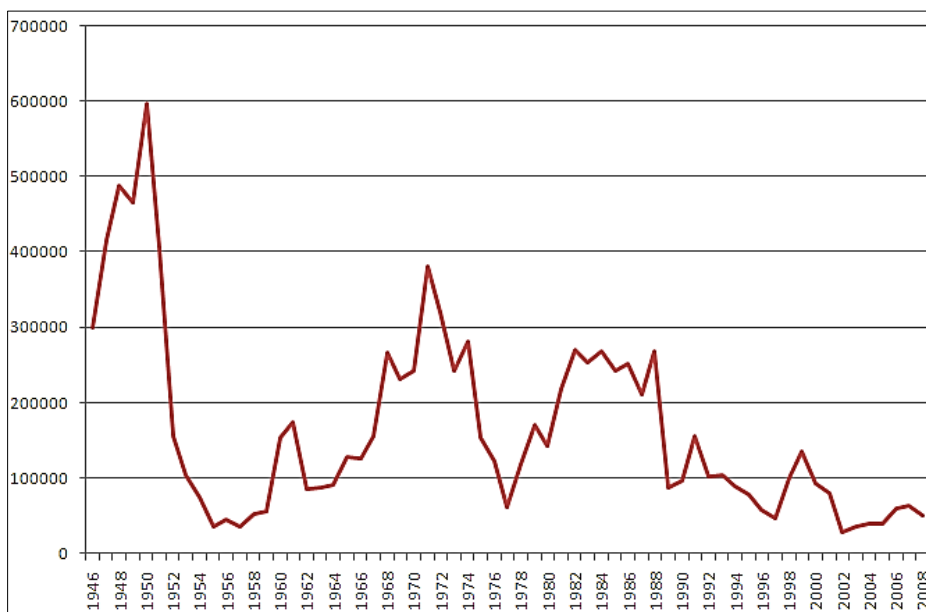
Главная прямая взаимосвязь между вооруженными конфликтами и насилием против гражданского населения – это так называемые побочные гражданские потери (убитыми и ранеными среди мирных жителей), понесенные непосредственно в ходе боевых действий, например, в ходе перекрестного огня, неизбирательных военных действий и ударов, особенно по густонаселенным, городским и пригородным районам, и т. п.

Существующая статистика пока позволяет оценить лишь общие прямые людские потери в конфликтах в мире (включающие как военные, так и гражданские жертвы боевых действий). Она показывает, что из всех форм организованного политического насилия больше всего людей гибнет именно в ходе вооруженных конфликтов. Так, из более 2,3 млн. человек, погибших от политического насилия за период 1989–2017 гг., число убитых в вооруженных конфликтах с участием государства составило 1 млн. 357 тысяч человек. Если к ним добавить жертв негосударственных конфликтов (еще 171,8 тысяч), то число погибших во всех конфликтах за этот период превысит полтора миллиона человек, составив 66% всех жертв организованного политического насилия в мире.¹⁸

К сожалению, имеющаяся статистика не позволяет вычленить именно гражданские потери из общего числа людских потерь в ходе конфликтов – такие данные пока доступны лишь по отдельным конфликтам. Тем не менее, есть все основания поставить под сомнение популярный в конце прошлого – начале нынешнего века в околонучных и международно-политических кругах алармистский тезис о том, что доля гражданских жертв военных действий за последние десятилетия как-то особенно резко возросла – чуть ли не с 5% до 90% убитых в конфликтах. Этот тезис отчасти созвучен, например, такому же ложному представлению о каком-то невероятно резком росте числа гражданских войн после окончания «холодной войны»: как видно из приведенных выше данных, гражданские войны преобладали над межгосударственными конфликтами на протяжении всей второй половины XX в., особенно с окончанием в 1970-е гг. большинства антиколониальных войн. Эти распространенные заблуждения противоречат существующей статистике всех профессиональных баз данных о конфликтах и отражают, скорее, *субъективные представления* о возросшей важности проблемы гражданского ущерба от военных

действий и *рост внимания* на международном уровне к жертвам среди мирного населения, чем объективную реальность. Специалисты ставят под сомнение даже преобладание, по числу убитых и раненых, гражданского «побочного ущерба» над военными людскими потерями. По наиболее трезвым оценкам, маловероятно, чтобы в первые десятилетия XXI в. среднее соотношение гражданских и военных людских потерь непосредственно в результате вооруженных конфликтов превышало 1:1. Иными словами, на каждого убитого в боях комбатанта – вооруженного участника военных действий – приходится примерно один погибший мирный житель.¹⁹

Рис. 2. Число убитых в конфликтах с участием государства (1946–2008 гг.)

Источник: PRIO Battle Deaths Dataset. Version 3.0. Peace Research Institute, Oslo (PRIO), 2009.²⁰

Современная глобальная картина прямых людских потерь в ходе военных действий сильно зависит от того, рассматривается ли их динамика в долгосрочной исторической ретроспективе или на более коротком временном отрезке (например, только за период с начала XXI в.). Долгосрочные тенденции в динамике людских потерь в конфликтах вызывают, скорее, оптимизм, так как указывают на очень значительное, хотя и неравное, сокращение общей численности погибших в войнах за весь период после окончания Второй мировой войны (см. *Рис. 2*). За два первых десятилетия, прошедших после «холодной войны», людские потери в конфликтах были в среднем *на 76% ниже*, чем в предыдущие десятилетия. Но главное: в конце XX – начале XXI в. не наблюдалось ничего даже близкого к сотням тысяч убитых в год, а порой и многомиллионным потерям, которые имели место в ходе крупных войн предыдущих десятилетий (гражданской войны в Китае 1946–1949 гг., войны в Корее 1950–1953 гг. или, например, ирано-иракской войны 1980–1988 гг.). Это, впрочем, отнюдь не означает роста миролюбия в глобальном масштабе. Такой высокий уровень потерь в годы «холодной войны» в основном пришелся всего на пять крупных и интенсивных конфликтов (обычных войн или войн, имевших как конвенциональную, так и субконвенциональную составляющую) – в Китае, Корее, серии войн во Вьетнаме (1955–1975 гг.), конфликта между Ираном и Ираком и войны в Афганистане (1978–1989 гг.), но они составили лишь 2% всех конфликтов с участием государства за период с 1946 г. В то же время остальные 98% конфликтов более низкой интенсивности не демонстрировали какого-либо существенного роста или сокращения

числа потерь. С практически полным уходом в прошлое к началу XXI в. крупных конвенциональных войн в их классическом понимании, именно эти 98% остальных конфликтов вышли на первый план. Иными словами, не вооруженное насилие как таковое стало менее смертоносным, а просто тот тип организованного насилия, для которого были характерны наибольшие людские потери на поле боя или в ходе перекрестного огня между комбатантами (*крупная конвенциональная война*, особенно между государствами), отошел на второй, если не третий, план. На первый план ему на смену вышли другие формы конфликтов и насилия с характерной и специфичной для них динамикой людских потерь, в том числе среди гражданского населения.

В период после окончания «холодной войны» численность людских потерь в ходе боевых действий сильно колебалась (см. *Рис. 3*) и носила, скорее, циклический характер: в 1989–2017 гг. она пережила три пика, три последующих спада (вплоть до возврата на допиковый уровень) и два промежуточных этапа относительной стабилизации (но на уровне, сильно отстающем от среднегодовых показателей потерь в конфликтах за предыдущие десятилетия). При этом краткие периоды роста общемирового числа потерь (длительностью не более четырех лет) в основном объяснялись высокой смертоносностью лишь нескольких наиболее интенсивных конфликтов. Если в 1990-е и 2000-е гг. большая часть людских потерь пришлась на конфликты в странах Африки (за исключением Северной Африки), то в 2010-е гг. доминирующая роль перешла к конфликтам на Ближнем и Среднем Востоке – в Сирии, Ираке и Афганистане (причем наибольшие людские потери в конфликтах за период после 1989 г. фиксируются именно 2010-е гг.). Своим шестикратным ростом с 2011 по 2015 г. общемировое число потерь в конфликтах было обязано, прежде всего, вооруженному противостоянию в Сирии (в 2015 г. только на один этот конфликт пришлась половина всех погибших в военных действиях в мире), а также крупным конфликтам в Афганистане и Ираке. Подчеркнем, что во всех этих трех наиболее смертоносных конфликтах 2010-х гг. вооруженное противостояние велось:

(а) на территории сильно ослабленных государств с ограниченной функциональностью;

(б) с участием радикально-исламистских сил и движений в качестве основных негосударственных комбатантов;

(в) на трансграничном, региональном уровне;

(г) при высокой степени интернационализации (включая, во всех трех случаях, прямое вооруженное вмешательство международных коалиций во главе с США при участии их западных союзников) и транснационализации конфликта;

(д) в условиях сильной фрагментации насилия.

(б) Одностороннее насилие против гражданского населения

Дело не только в количественной динамике людских потерь в конфликтах. Эволюция конфликтов и иных форм организованного вооруженного насилия в конфликтных зонах, а также в способах и методах ведения войны, сдвиг от относительно симметричных межгосударственных обычных войн, масштабных битв, сражений и фронтов, в сторону менее интенсивных вооруженных столкновений по поводу внутригосударственных противоречий, проходящих либо на периферии дееспособных государств, либо в слабых или разваливающихся государствах, но часто при внешнем военном вмешательстве (в т. ч. в виде крайне асимметричных кампаний с использованием высокотехнологичных вооруженных сил наиболее развитых стран мира), – все это не могло не повлиять на характер, масштаб и состав людских потерь в конфликтных зонах. На смену фронтальным битвам пришли вооруженные стычки, локализованное, но легко пересекающее границы диффузное насилие, на фоне более активного, чем ранее, участия негосударственных вооруженных группировок, с одной

стороны, и асимметричных точечных и неизбирательных ударов по удаленным целям, с другой, а также *атак против гражданского населения*. Изменились число и состав акторов, которые несут ответственность за людские потери, преобладающие методы нанесения этих потерь и их состав.

В этом контексте не удивительно, что до половины гражданского населения, убитого во время и в зоне конфликта, гибнет не в ходе военных действий между комбатантами, а в результате преднамеренных кампаний вооруженного насилия, направленного именно на мирных жителей – так называемого одностороннего насилия. Ему подвергаются жертвы массовой (и не очень) резни и других зверств, этнических чисток, терактов, карательных операций, нападений на лагеря и колонны беженцев и т. п.²¹ Систематизированные научные данные по такому насилию в глобальном масштабе доступны лишь за период с 1989 г. По статистике Уппсальской программы данных о конфликтах, в 1989–2017 гг. на 1178 конфликтов с участием государства пришлось 944 кампаний одностороннего насилия против гражданского населения.²² Если во всех конфликтах за этот период, включая негосударственные, в столкновениях между комбатантами было убито около полутора миллиона человек (значительную часть которых составили сами военнослужащие и иные вооруженные участники конфликта), то от одностороннего насилия против невооруженного населения погибло почти 790 тысяч мирных жителей.²³

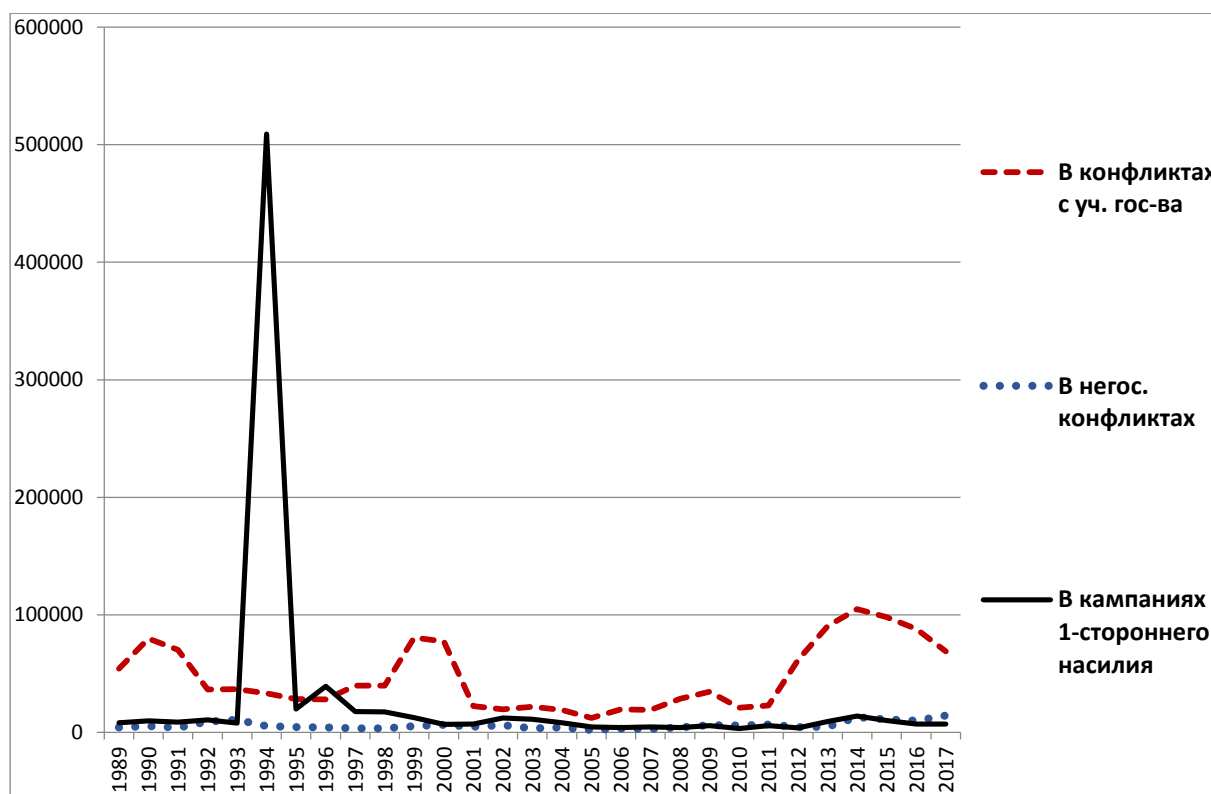
С одной стороны, хотя конфликт между комбатантами и одностороннее насилие – это разные виды насилия, они тесно связаны. Большинство из 944 кампаний одностороннего насилия, зафиксированных в 1989–2017 гг., проходило именно в контексте и в зонах вооруженных конфликтов и осуществлялось участниками этих конфликтов (т. е. одни и те же игроки могут как принимать участие в военных действиях против вооруженного оппонента, так и преднамеренно применять насилие напрямую против мирного населения). 99% всех убитых в результате одностороннего насилия за этот период пришлось на страны с активными вооруженными конфликтами на их территории. За почти тридцатилетний период после «холодной войны» региональное распределение конфликтов и одностороннего насилия также практически совпадало: лидировала «черная» Африка, за которой следовали Азия и Ближний Восток.

С другой стороны, взаимосвязь конфликтов и одностороннего насилия не универсальна и часто носит неоднозначный характер. Отдельные кампании одностороннего насилия могут осуществляться и в мирное время; бывает и так, что наиболее смертоносные инциденты и кампании такого насилия (например, массовая резня или теракты) либо непосредственно предшествуют конфликту и нередко специально нацелены на его разжигание, либо происходят уже после окончания активных боевых действий (например, с целью подрвать перемирие, переговорный процесс или выполнение условий мирного соглашения). Более того, даже эффективные усилия по урегулированию самого конфликта не всегда автоматически ведут к прекращению одностороннего насилия против гражданского населения, особенно на локальном уровне. Его существенное сокращение или полное прекращение в большей степени зависят от восстановления функциональности и легитимности государственной власти и базовой системы законности и порядка, чем от прогресса в мирных переговорах как такового. Иными словами, дело не просто в самом факте прекращения огня, а, скорее, в *качестве послевоенного мира*.

На основе имеющейся статистики по кампаниям одностороннего насилия и людским потерям в них можно выделить две категории такого насилия, сильно отличающиеся друг от друга. Первая – это массовые зверства вплоть до геноцида. В современном мире они весьма редки, но ведут к огромным человеческим потерям за сравнительно короткое время. Например, от полумиллиона, по консервативным данным, до 800 тысяч – 1 млн. убитых, по другим данным, всего за три месяца в ходе

геноцида в Руанде 1994 г. сделали его самым смертоносным событием за последние три десятилетия. Подавляющее большинство его жертв – гражданские лица, и по числу убитых с ним даже близко не сравнится ни один даже самый интенсивный вооруженный конфликт современности (см. Рис. 3). Наибольшая угроза мирному населению – масштаба геноцида или массовых зверств – возникает тогда, когда физическое уничтожение той или иной группы населения (по национальному, этническому, расовому, религиозному или иному признаку) является стратегической целью вооруженного актора. Не удивительно, что к насилию этого типа и масштаба прибегают лишь немногие, крупные вооруженные акторы, имеющие карательные-силовые и иные возможности и ресурсы для того, чтобы убить достаточно людей ради осуществления этой цели. Как правило, это либо правительственные силы (например, Руанды или ДРК) или крупные негосударственные движения (например, аль-Каида в 2001 г. или Талибан в конце 1990-х гг.). С началом геноцида такие акторы уже не рассматривают альтернативных «решений» проблемы – например, изгнания населения с мест его проживания или установления жесткого контроля над ним. В таких случаях угроза уничтожения для гражданских лиц, являющихся частью той группы (слоя) населения, которая находится под ударом, фактически неминуема, особенно в районах их наибольшего скопления и на ранних этапах геноцида. В отличие, например, от более распространенных этнических и иных «чисток», геноцид ставит целью не вытеснение людей с занимаемой ими территории, а уничтожение как можно большего их числа до того, как они успеют сбежать.

Рис. 3. Число убитых в ходе конфликтов (с участием и без участия государства) и одностороннего насилия, 1989–2017 гг.

Источник: Uppsala Conflict Data Program, 2018. Department of Peace and Conflict Research, Uppsala University, Sweden

Вторая категория одностороннего насилия встречается гораздо чаще и более разнородна. В отличие от первой, она объединяет менее интенсивные формы одностороннего насилия, которые не настолько сконцентрированы по времени и месту, но зато осуществляются систематически, постоянно, вооруженными акторами практически всех типов, часто на локальном уровне, и приобретают почти хронический характер в контексте затяжных конфликтов. Это такое же явное проявление фрагментации современного насилия, как частая возобновляемость мини-конфликтов или рост числа и разнообразия вооруженных негосударственных игроков. В глобальном масштабе это насилие не демонстрирует ни резкого роста, ни малейшей тенденции к снижению. Особая сложность в регулировании, а тем более эффективном сокращении проявлений такого насилия состоит в том, что его применяют акторы самых разных типов, для которых оно часто не является единственной или основной вооруженной тактикой. Они могут использовать преднамеренное насилие против гражданского населения сразу по нескольким причинам, или одна из таких мотиваций со временем может прийти на смену другой.

При этом имеющиеся статистические показатели – частота кампаний одностороннего насилия (организованных кампаний его применения тем или иным вооруженным актором, в ходе которого погибло не менее 25 гражданских лиц в год) и масштаб/динамика потерь убитыми – недостаточно полно отражают его характер и последствия. Во-первых, в условиях, когда одностороннее насилие нацелено на конкретные группы населения (по этническому, территориальному и иным признакам), число и доля людских потерь должны измеряться не относительно общей численности населения, а относительно численности гражданского населения той группы и района, где применяется одностороннее насилие. Во-вторых, в большинстве конфликтных зон основные формы ущерба гражданскому населению – это не столько жертвы убитыми, сколько ранения, вынужденное перемещение (см. следующий раздел), систематические угрозы жизни и здоровью, мародерство, грабежи, похищения людей и сексуальное насилие.²⁴ В-третьих, основная цель одностороннего насилия не всегда состоит в прямом физическом уничтожении группы населения – в отличие от геноцида, цель которого заключается именно в этом, в ходе этнических чисток насилие применяется, прежде всего, с целью устрашения населения для того, чтобы заставить его покинуть места постоянного проживания. В таких случаях число убитых может быть и сравнительно небольшим (составив несколько процентов от общего числа тех гражданских лиц, которые находятся под ударом), однако доля вынужденно перемещенного населения обычно крайне высока (и может составлять до 90%). В этих условиях, например, вандализм и тактика выжженной земли, включая разрушения домов и инфраструктуры, нацеленные на то, чтобы не дать вернуться вытесняемому населению, – не менее, а порой и более важны для участников чисток и проще осуществимы, чем его физическая гибель. Эффект устрашения максимально большого числа людей как средства политической дестабилизации и асимметричного давления на более сильного и высокого по статусу оппонента первичен и для терроризма (т. е. более важен, чем конкретное число убитых и прямой физический ущерб от теракта).

Итак, в условиях и в зонах вооруженных конфликтов гражданское население гибнет и подвергается другому ущербу как непосредственно в ходе боестолкновений, так и целенаправленно в односторонних кампаниях насилия, специально против него направленных. Насколько важно отличать первый «вариант» от второго – с учетом того, что грань между этими двумя видами насилия, в результате которого гибнет мирное население, провести не всегда просто или возможно, и оба они, особенно если носят масштабный и систематический характер, являются серьезными нарушениями международного гуманитарного права? Среди прочего, практический смысл в таком разграничении состоит в том, что в зависимости от типа насилия, жертвами которого становятся гражданские лица («побочный ущерб» от собственно военных действий или

целенаправленное одностороннее насилие), лидирующую роль в нем играют разные виды акторов.

В нанесении (теоретически непреднамеренного) «побочного ущерба» гражданскому населению в ходе боев между комбатантами в начале XXI в., как и раньше, однозначно лидируют государства и их военные машины – в основном в результате практики неизбирательных ударов и применения обычных, в т. ч. тяжелых вооружений, по населенным районам.²⁵ По мере роста числа и многообразия негосударственных игроков, в т. ч. антиправительственной направленности, общей фрагментации, локализации и параллельной транснационализации насилия в современных конфликтах, вооруженным силам государств(а) не всегда просто даже идентифицировать своего противника, что толкает их на рутинное применение неизбирательного насилия. По точному замечанию генерального секретаря ООН в 2007–2016 гг. Пан Ги Муна: «превосходящие в военном отношении стороны в борьбе с противником, которого трудно идентифицировать, могут применять методы и средства ведения войны, которые противоречат принципам проведения различия [между комбатантами и некомбатантами – *Е.С.*] и соразмерности, что крайне отрицательно сказывается на положении гражданских лиц».²⁶ Это отнюдь не означает, что повстанческие группировки не наносят «побочного ущерба» гражданским лицам в ходе военных действий – наносят, и немалый, особенно в ходе применения особо неизбирательных систем вооружения (минометов, самодельных бомб и т. п.). Однако они предпочитают провоцировать само государство на неизбирательные удары – например, систематически используя мирное население как «живой щит» и блокируя его выход из зоны боев. Среди «чемпионов» такого подхода – группировка «Тигры освобождения Тамил Илама» на Шри-Ланке, а в текущем десятилетии – практически все группировки вооруженной сирийской оппозиции.

Иная картина складывается в сфере одностороннего насилия – и именно в этой сфере в начале XXI в. наблюдался наиболее заметный сдвиг, по сравнению с XX в. Если в прошлом веке большая часть одностороннего насилия против гражданского населения приходилась на государства, то в XXI в. пальма первенства – как по числу кампаний одностороннего насилия против мирного населения, так и по числу преднамеренно убитых гражданских лиц – перешла к повстанческим и иным негосударственным игрокам и пока стабильно остается за ними. По численности негосударственные группировки устойчиво преобладали над государствами в качестве акторов одностороннего насилия почти на всем протяжении периода после «холодной войны» (с 1992 г.),²⁷ что, впрочем, может объясняться банальным ростом числа вооруженных игроков этого типа. Однако начиная с 2000 г., негосударственные игроки ежегодно стали и больше убивать гражданского населения в одностороннем порядке, чем государства, причем, например, в 2014–2016 гг. – многократно больше (исключение составил лишь 2011 год, когда больше жертв было на счету правительственных сил – в основном в странах, ставших ареной событий так называемой арабской весны).²⁸

Целенаправленное насилие против гражданского населения – это мощный способ демонстрации крайней степени решимости, и современные вооруженные группировки все чаще прибегают к такому насилию именно в этих целях. В условиях фрагментарности насилия, сравнительно большого числа вооруженных акторов и асимметрии потенциалов, негосударственным игрокам все труднее убедительно продемонстрировать высокую степень решимости на поле боя (и в целом конкурировать в военно-экономическом отношении либо с относительно дееспособным государством, либо, в случае его слабости или развала – с внешней коалицией ряда стран, в т. ч. обладающих высокотехнологичными военными возможностями). Участвовавшее применение одностороннего насилия негосударственными игроками четко коррелирует (и отчасти пересекается) и с резким ростом в начале XXI в. терроризма – применения

или угрозы применения насилия со стороны негосударственных игроков против гражданских лиц для достижения политических целей путем оказания давления на государство и общество.²⁹ В 2014 г. террористическая активность в мире вообще достигла своего абсолютного исторического пика (за весь период с 1970 г., по которому доступна научная статистика по терроризму). За 15 лет с 2000 по 2014 г. число терактов в мире возросло в 9,4 раза (превысив 16800), а число погибших в терактах – в 9 раз (превысив 32,7 тысячи человек).³⁰ По совокупности основных количественных показателей терроризма, объединенных в Глобальном индексе терроризма, в целом террористическая активность в мире за первые 15 лет текущего века выросла пятикратно.³¹

Переход к негосударственным игрокам доминирования в области одностороннего насилия против гражданского населения в XXI в., в т. ч. за счет более активного использования ими террористических методов – это одно из наиболее тревожных и негативных проявлений более широкой тенденции к росту роли негосударственных акторов в вооруженном насилии. Эту тенденцию можно суммировать словами того же Пан Ги Муна, подчеркивавшего, что «увеличение численности негосударственных вооруженных групп, их раздробленность и все более асимметричный характер конфликтов... крайне отрицательно сказывается на положении гражданских лиц, поскольку некоторые вооруженные группы компенсируют свою военную слабость нападениями на гражданских лиц и используют их для прикрытия военных объектов...» – тем более, что «все возрастающее число вооруженных группировок не понимают и не принимают международное гуманитарное право».³²

(г) Вынужденное перемещение населения

Если прямые людские потери, понесенные непосредственно в ходе боевых действий, в долгосрочной перспективе снижаются или, по крайней мере, не растут, то вынужденное перемещение населения находится на пике. По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ) на 2017 г., в положении вынужденно перемещенных лиц в мире находились 68,5 млн. чел. Это больше чем когда-либо с момента основания УВКБ в 1950 г.³³ Показательно, что из этих 68,5 млн. человек около 24% (16,2 млн.) – это лица, вынужденно перемещенные именно в 2017 г.,³⁴ т. е. новое пополнение. Основной (хотя и не единственной) движущей силой процессов вынужденного перемещения в глобальном масштабе остаются именно вооруженные конфликты и сопутствующие им другие формы насилия, нестабильность и тяжелые гуманитарные условия. Это наглядно демонстрирует тот факт, что в середине 2010-х гг. более половины всех беженцев в мире происходили всего из трех стран, ставших ареной одних из наиболее интенсивных и затяжных конфликтов – Сирии, Афганистана и Сомали.

Большинство вынужденно перемещенных лиц в мире сегодня составляют не беженцы в традиционном понимании, т. е. лица, пересекшие одну или несколько государственных границ (25,4 млн. на 2017 г.), а внутренне перемещенные лица (ВПЛ), покинувшие места постоянного проживания, но остающиеся на территории своих стран (40 млн. человек в 2017 г.).³⁵ Это соотношение является прямым отражением преобладающего типа современных вооруженных конфликтов, абсолютное большинство которых носит внутрисударственный характер, включая ряд интернационализированных гражданских войн.

За период с начала XXI в. устойчиво росло не только абсолютное число ВПЛ, но их доля в общей численности вынужденно перемещенных лиц и среднее число ВПЛ на один конфликт. С одной стороны, это свидетельствует об *ухудшении гуманитарных последствий конфликтов для гражданского населения*. Если первые два показателя отражают общие изменения в характере современных конфликтов как

преимущественно внутригосударственных, то третий показатель – рост среднего числа ВПЛ на один конфликт – говорит о том, что вынужденное перемещение все чаще становится не просто побочным эффектом ведения военных действий между комбатантами, а именно сознательной и самостоятельной *целью* применения вооруженного насилия. Иными словами, вооруженное насилие все чаще применяется специально для того, чтобы изгнать людей с мест их постоянного проживания (а этого тем проще добиться, чем больше это насилие направлено напрямую именно против гражданского населения, т. е. чем более односторонний характер оно носит).

С другой стороны, не следует забывать и о том, что рост числа вынужденно перемещенных лиц, в основном ВПЛ, взаимосвязан – по принципу *системы сообщающихся сосудов* – с параллельной тенденцией к снижению (или как минимум, отсутствию однозначной тенденции к росту) числа убитых и раненых среди гражданского населения в конфликтных зонах. Перемещение гражданских лиц, которые бегут от боевых действий или одностороннего насилия, носит вынужденный характер и подвергает их многим новым социальным рискам и испытаниям, но зачастую это единственная для них возможность физически спастись от смерти или ранения. Иными словами, ухудшение ситуации с вынужденным перемещением в мире отчасти является производной от хотя и неровного, но относительного сокращения, в долгосрочном плане, прямых гражданских потерь в конфликтных зонах. И наоборот, это улучшение отчасти достигнуто ценой растущего числа ВПЛ и беженцев.

99% внутренне перемещенных лиц находятся за пределами развитого мира.³⁶ Это неудивительно, с учетом того, что подавляющее число конфликтов приходится на развивающиеся и бедные страны, а большая часть лиц, вынужденно перемещенных в результате конфликтов, остается в своих странах. Однако даже пересекшие международную границу беженцы в основном сосредоточены там же, а отнюдь не в странах Запада или развитого мира в целом. В 2017 г. 85% всех беженцев в мире (16,9 млн. человек) нашли убежище в развивающихся странах, причем 6,7 млн. из них – в беднейших странах мира.³⁷ Более четверти всех беженцев (26%) нашли приют в Африке южнее Сахары.³⁸ Наиболее высокая концентрация беженцев, в т. ч. из зон таких интенсивных конфликтов, как Афганистан или Сирия, наблюдается на территории государств, непосредственно граничащих со страной, которая погружена в пучину конфликта.³⁹ На этом фоне проблема массового притока беженцев в страны Запада и даже «кризиса беженцев» в Европе в середине 2010-х гг. (когда их число, вкуче с потоками трудовых и нелегальных мигрантов, действительно достигло беспрецедентного для Европы масштаба за период после Второй мировой войны) в сравнительном контексте представляет собой второстепенную и даже в чем-то маргинальную проблему – несмотря на то, как сильно она растиражирована и раздута на Западе и в международном медиа-поле.

Этот контраст особенно разителен с учетом значительных социально-экономических ресурсов, которыми обладают развитые государства и экономики Запада (а также, например, арабские государств Персидского залива, Япония и т. п.), принимающие лишь очень небольшую часть вынужденно перемещенных лиц в мире, – в отличие от стран, где реально сконцентрировано подавляющее большинство беженцев и практически все ВПЛ. Неудивительно, что именно эти менее развитые страны несут на себе основное бремя нагрузки от приема и проживания беженцев на, как правило, и без того уязвимую социально-экономическую инфраструктуру и сильнее всего нуждаются в международной гуманитарной помощи беженцам и ВПЛ. Оказание этой помощи не облегчает, а затрудняет, во-первых, тот факт, что в современных условиях около 60% беженцев и 80% ВПЛ сосредоточены не в местах компактной концентрации (лагерях, отдельных зонах), а наводняют городские и пригородные районы, существуя среди местного населения или по соседству с ним. Это затрудняет оценку их числа и потребностей, а зачастую и доступ к ним и нередко провоцирует

дополнительные трения между беженцами/ВПЛ и местным населением. Во-вторых, в начале XXI в. вынужденное перемещение принимает все более затяжной характер: сегодня беженцы и ВПЛ в среднем проводят 17 и более лет в тех районах и общинах, куда они были вынужденно перемещены, или в лагерях.⁴⁰ В-третьих, все чаще складываются ситуации, когда традиционные негативные социальные последствия вынужденного перемещения для беженцев и ВПЛ (высокая, иногда повальная, безработица, повышенная подверженность инфекционным заболеваниям,⁴¹ особенно холере, тифу, гепатиту и дизентерии, отсутствие продовольственной безопасности и доступа к системам здравоохранения и образования и т. д.) в той или иной мере характеризуют и социальные условия, в которых живут местные, принимающие беженцев общины.

Несмотря на это, вынужденно перемещенные лица получают хотя бы надежду на гуманитарную помощь. Общемировая тенденция в оказании гуманитарной помощи этой категории пострадавшего населения – это расширение и повышение ее эффективности (особенно в таких сферах, как продовольственная помощь, обеспечение водой и т. п.). На этом фоне не следует забывать, что 87% мирных жителей, затронутых вооруженными конфликтами и сопутствующими им формами насилия и ущерба, остаются в охваченных конфликтами и другим насилием районах.⁴² Нередко их гуманитарное положение во всех смыслах – от физической безопасности и угроз жизни и здоровью до затрудненности доступа к гуманитарной помощи – значительно хуже, чем беженцев и внутренне перемещенных лиц.

(д) Непрямые гражданские потери и другой гуманитарный ущерб

Наряду с прямым ущербом от вооруженных конфликтов в виде убитых, раненых и вынужденно перемещенных, население испытывает на себе и не прямое воздействие конфликтов, причем на гораздо более долгосрочной основе. В отличие от прямого ущерба, оценить масштаб этого вторичного, косвенного воздействия конфликтов на жизнь людей крайне сложно – даже если ограничиться лишь непрямыми жертвами (т. е. человеческими смертями, произошедшими уже вследствие вызванных конфликтами вынужденного перемещения, отсутствия или затрудненности доступа к чистой воде, продовольствию и медицинской помощи, нарушения функционирования или развала базовой инфраструктуры, болезней, недоедания и т. п.).⁴³ Между тем, оценка всей полноты гуманитарных последствий вооруженных конфликтов требует выхода за рамки лишь прямых жертв боестолкновений и иных форм насилия, применяемых в контексте конфликта, и учета всей «избыточной смертности», вызванной его последствиями.

Несмотря на пока труднопреодолимые методологические проблемы оценки масштабов ненасильственной смертности в результате последствий конфликта (т. е. той, которой бы не было в его отсутствие),⁴⁴ предварительно с большой долей уверенности можно говорить о том, что ее масштабы превышают число прямых жертв конфликта и других форм политического насилия.⁴⁵ Так, по данным «Женевской декларации», которая ведет мониторинг данных о динамике организованного политического насилия, в тех конфликтах, по которым доступна более полная информация по различным причинам смертности населения, с начала 1990-х гг. по 2007 г. число не прямых жертв превышало число прямых людских потерь минимум в три, а максимум – в 15 раз.⁴⁶ Консервативная оценка среднемирового соотношения не прямых и прямых людских потерь от организованного политического вооруженного насилия составляет 4:1.⁴⁷ Так, в 2004–2009 гг. из 780 тысяч погибших в результате насилия и его прямых последствий лишь 7% пришлось на прямых жертв конфликтов, а 27% – на смертность от голода и болезней в результате конфликтов.⁴⁸ При этом следует учитывать, что смертность в результате последствий конфликтов происходит

не только на стадии самого вооруженного противостояния, а может продолжаться в течение длительного времени после его завершения (в отличие от прямых жертв конфликтов, за некоторыми исключениями: например, от мин и неразорвавшихся снарядов люди могут гибнуть и получать увечья годами после завершения конфликта).

Непрямой эффект конфликтов не ограничивается избыточной ненасильственной смертностью. Влияние систематического вооруженного насилия на жизнедеятельность и благосостояние человека и общества многомерно и носит волнообразный характер. Для стран, ставших ареной затяжного или постоянно возобновляющегося конфликта (или конфликтов), как правило, характерен более высокий уровень недоедания среди населения, его более ограниченный доступ к образованию, более высокую подверженность инфекционным и иным болезням, по сравнению со странами, находящимися на том же уровне социально-экономического развития, но не испытывающим на себе давление фактора конфликта. По умеренным оценкам, численность населения, в той или иной мере испытывавшего на себе гуманитарные последствия конфликтов или затронутого ими, в начале 2010-х гг. составляла 172 млн. человек в год⁴⁹ (тогда как число прямых жертв организованного политического насилия в мире не превышало 90 тыс. человек убитыми).

Тяжесть непрямых гуманитарных последствий конфликтов наглядно иллюстрирует ситуация в сфере борьбы с голодом и хроническим недоеданием. Если в целом в мире ситуация в этой области за период с начала XXI в. устойчиво улучшалась (совсем прекратились «голодные катастрофы», в ходе которых голод уносил жизни более 1 млн. человек, значительно сократились масштабные голодные кризисы с числом погибших более 100 тысяч человек, а уровень голода в развивающихся странах сократился на четверть), то в конфликтных зонах заметного прогресса не наблюдалось. Более того, на современном этапе практически все наиболее острые и масштабные кризисы, связанные с голодом, происходят именно в результате вооруженных конфликтов или в рамках более сложного комплекса разных видов насилия и нестабильности.⁵⁰ Уровень острого недоедания среди населения с 2000 г. по 2012 г. в 51 стране, ставшей ареной вооруженного конфликта, вырос;⁵¹ в целом хуже всего в этом отношении обстояло дело в странах Африки. Характерно, что при относительно большом внимании (по крайней мере, со стороны международного гуманитарного сообщества) к жертвам голода и недоедания в зонах активных конфликтов, значительно меньше внимания уделяется вопросам продовольственной безопасности выжившего населения на постконфликтных стадиях.

Гуманитарные последствия конфликтов и связанных с ними форм и проявлений насилия, конечно, включают и экономический ущерб. Причем если оценка прямого ущерба инфраструктуре (масштабов ее физического разрушения и повреждения) проводится относительно оперативно, иногда еще на стадии конфликта, и без нее просто не обойтись на этапе восстановительных работ, то «цену войны» для экономики и развития в целом определить сложнее, особенно в глобальном масштабе. Хотя эта тема заслуживает отдельного внимания, для того, чтобы понять глобальный масштаб экономических последствий конфликтов, достаточно ограничиться несколькими оценками, полученными в соответствии с методологией Института экономики и мира (Австралия) в рамках Глобального индекса мира.⁵² Во-первых, индекс фиксирует рост экономической цены насилия в мире, измеряемой как расходы на сдерживание и контроль над насилием (в 2014 г. она достигла 13,6 триллионов долл.). Во-вторых, рост экономической цены насилия на 955 млрд. долл. только за период с 2008 по 2014 г. в значительной мере (на 38%) произошел за счет роста потерь в результате вооруженных конфликтов (причем сильнее всего возросли потери от гибели людей во внутригосударственных конфликтах, расходы на содержание беженцев, ВПЛ и на миротворческие операции, а также доля ВВП, которую страны теряют в результате конфликтов).⁵³ В-третьих, даже небольшое сокращение

насилия экономит значительные ресурсы: например, по данным на 2014 г., снижения насилия в глобальном масштабе всего на 10% было бы достаточно, чтобы высвободить ресурсы, равные всему объему прямых иностранных инвестиций или стоимости всего экспорта продовольствия в мире.

IV. Заключение

Как показывает проведенный обзор, с одной стороны, *конфликтный потенциал в современном мире не растет* – хотя и не снижается, как это представлялось на рубеже XX–XXI вв. За более чем четверть века после окончания «холодной войны» конфликты с участием государств прошли полный цикл: объективный уровень конфликтности в мире – по таким базовым количественным показателям, как общее число конфликтов и масштаб людских потерь в них – фактически вернулся к уровню начала 1990-х гг. При этом смертоносность конфликтов, в которых хотя бы одна из сторон – государство, хотя и колеблется, но в долгосрочном плане даже несколько снизилась по сравнению с последними десятилетиями XX в.

С другой стороны, *изменился сам характер современных конфликтов – и не в самую благоприятную сторону*. Современные конфликты более фрагментированы, в них участвует гораздо больше вооруженных игроков, более подвержены транснационализации, носят одновременно более затяжной и крайне неравный характер (до половины всех конфликтов периодически то возобновляются, то затухают). Вне зависимости от их количественных показателей и масштаба, такие конфликты в принципе труднее поддаются эффективному, устойчивому урегулированию как военными методами, так и путем переговоров, чем более традиционные межгосударственные конвенциональные войны. Государствам, сохранившим функциональность и имеющим дело с периферийными, локальными конфликтами на своей территории, зачастую проще не столько «окончательно» ликвидировать, сколько сдерживать такое фрагментированное насилие на уровне низкой интенсивности. Однако крупные, часто интернационализированные гражданские войны в слабых или недееспособных государствах (в т. ч. на территории более чем одной страны), быстро выходят на региональный уровень и начинают угрожать уже региональной, а часто – и более широкой международной безопасности. Они остро нуждаются в международном урегулировании, которое применительно к таким конфликтам чрезвычайно затруднено – не только из-за сохраняющихся геополитических или иных международных противоречий, но и в силу самой сути и качественных характеристик этих конфликтов, их многослойного и размытого характера и многообразия вовлеченных в них акторов.

Не вызывает оптимизма и картина гуманитарных последствий современных конфликтов для населения. Ни одна из форм насилия, напрямую ставящая под удар гражданское население (одностороннее насилие, терроризм, межобщинные столкновения, насилие со стороны полукриминальных формирований «полевых командиров» и т. п.) не демонстрирует снижения, а некоторые из них даже растут, особенно в условиях интенсивных транснационализированных гражданских войн. Связь кампаний массового насилия против гражданских лиц с конфликтами становится теснее, а вынужденное перемещение населения в результате конфликтов (и связанных с ними форм насилия) достигла пиковых значений за последние четверть века. На фоне общего роста роли вооруженных негосударственных игроков в конфликтах сильнее всего растет их роль именно в односторонних кампаниях насилия, сознательно нацеленных на гражданское население.

Технически от рук комбатантов – т. е. непосредственно в ходе и в результате вооруженного противостояния – до сих пор гибнет больше людей (военных и гражданских в совокупности), чем от прямого и преднамеренного насилия против

мирного населения. За весь период с 1989 по 2017 г. во всех вооруженных конфликтах – как с участием государства, так и между негосударственными игроками – погибло более полутора миллиона человек (включая гражданские потери в рамках «побочного ущерба» от военных действий), а в кампаниях одностороннего насилия – около 790 тысяч мирных жителей.⁵⁴ По другим данным, доля гражданских потерь от всех форм политического насилия, включая конфликты, не превышает 30–40% (в 1997–2014 гг.).⁵⁵ Однако если объединить все гражданские жертвы (как «побочного ущерба» от военных действий, так и преднамеренного одностороннего насилия) с растущими массами вынужденно перемещенных людей и огромными непрямыми потерями и ущербом мирному населению от последствий конфликтов (в виде голода, хронического недоедания, болезней, разрушения и нарушения доступа к базовой инфраструктуре и т. п.), то сомнений в том, что *именно гражданское население несет на себе основную тяжесть последствий конфликтов и связанных с ними форм насилия*, не остается. Иными словами, *наиболее тяжелые последствия современных конфликтов носят именно гуманитарный характер*. При этом гуманитарные последствия конфликтов крайне неравномерно распределены по миру. Львиная доля этих последствий приходится на те развивающиеся, бедные и беднейшие страны Африки, Ближнего и Среднего Востока и Южной Азии, где в основном и происходят конфликты, а также на соседние с ними страны и соответствующие регионы.

Тяжесть гуманитарных последствий определяется не только динамикой базовых количественных показателей современных конфликтов и насилия против гражданских лиц, но и, во-первых, качественными изменениями в их характере, степени транснационализации и фрагментации, составе участников и т. п., а во-вторых, определенными сдвигами в глобальном восприятии конфликтов и их воздействия на население, которые не менее важны, чем объективная реальность. В условиях глобализации, дальнейшего и ускоренного развития современных технологий и средств массовой информации и коммуникации, расширения сфер ответственности международных институтов, усиления роли неправительственного сектора в мировой политике и трансграничного характера большинства угроз, связанных с вооруженным насилием, все труднее игнорировать его гуманитарные последствия, особенно такие масштабные, как кампании массового одностороннего насилия или угрозы голода или пандемий для большого числа населения. Гуманитарная проблематика, в т. ч. в связи с вооруженными конфликтами, занимает все большее место в повестке дня ведущих международных организаций (даже несмотря на то, что основная тяжесть гуманитарных последствий конфликтов лежит на странах и регионах за пределами развитого мира).

Эти процессы отразились и на эволюции и переосмыслении самого понятия «безопасность». Наряду с более традиционными категориями «национальной безопасности» (т. е. безопасности государства) и международной безопасности (традиционно понимаемой как «межгосударственная безопасность»), на первый план, не отменяя, а скорее дополняя их, выходит – в т. ч. на уровне ООН – и понятие «*гуманитарной безопасности*», в рамках которого центральным объектом безопасности становится гражданское население – *человек и общество*. Применительно к вооруженному насилию все большее распространение понятия и концепции гуманитарной безопасности в ее общепринятой трактовке на уровне ООН⁵⁶ отражает как объективную реальность (наиболее тяжелые последствия современных конфликтов ложатся именно на гражданское население), так и изменения в восприятии гуманитарной проблематики на глобальном уровне. Медленное, но постепенное переосмысление безопасности в этом направлении также ведет к пересмотру и расширению понимания того, что может составлять серьезную угрозу миру и безопасности на всех уровнях мировой политики. Сегодня это не только чисто внешние и преимущественно военные угрозы государствам и межгосударственным союзам и

блокам, а гораздо более широкий набор угроз, включая масштабные гуманитарные вызовы, ставящие под удар гражданское население. Параллельно на концептуальном уровне все очевиднее становится связь между проблематикой устойчивого социально-экономического развития и содействия развитию – и тем негативным влиянием, который на него оказывает фактор вооруженного насилия, включая конфликты. В сентябре 2015 г. Генеральная ассамблея ООН впервые зафиксировала связь между насилием (в т. ч. конфликтами) и проблемами развития на глобальном уровне в рамках универсальной «Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 г.»: «Обеспечение устойчивого развития невозможно без мира и безопасности, а без устойчивого развития мир и безопасность окажутся под угрозой».⁵⁷

Наряду с растущим международным вниманием к гуманитарным вопросам, включая гуманитарные последствия конфликтов, нельзя недооценивать и ряд реальных достижений в области гуманитарной помощи. Они есть, несмотря на то, что изменения в характере конфликтов ставят перед гуманитариями новые трудности, особенно в плане доступа к пострадавшему и нуждающемуся в помощи населению. Раньше такой доступ в основном контролировали государства или организованные повстанческие группировки, которые либо разрешали его, обеспечивая при этом защиту гуманитарного персонала, конвоев и т. п., либо блокировали. Сегодня гуманитарным организациям приходится работать в более сложной обстановке «на земле», в условиях многообразия вооруженных игроков и с повышенным риском для жизни и безопасности. Тем не менее, именно благодаря своевременному гуманитарному реагированию, современные конфликты даже в слаборазвитых странах уже редко ведут, например, к масштабному голоду. Задачи гуманитарной, в т. ч. физической, защиты населения в конфликтных зонах не просто провозглашены в теории (например, в рамках международной концепции «ответственности по защите»),⁵⁸ но и все шире входят в практику, в частности, конкретных операций ООН по поддержанию мира. Хотя с 1999 г., когда в мандат операции ООН в Сьерра-Леоне была впервые включена задача обеспечения защиты гражданского населения, больших успехов в этой области добиться не удалось, определенный прогресс в снижении уровня ряда конкретных угроз населению был достигнут: например, за последние десятилетия сократилось число гражданских жертв противопехотных мин и неразорвавшихся снарядов.

Однако проблема защиты гражданского населения в принципе не может быть решена лишь на уровне оперативной миротворческой деятельности ООН, даже при наличии международного согласованного мандата на решение таких задач. Эта деятельность сама по себе не решает тех базовых структурных противоречий, которые ведут к вооруженному насилию против гражданского населения. В конечном счете, именно прогресс в разрешении основных противоречий, по поводу которых ведется конфликт, как путь к устойчивому прекращению вооруженного противостояния служит наиболее эффективной и фундаментальной стратегией защиты гражданского населения в конфликтах и создает для нее наилучшие условия.⁵⁹ Конечно, решение гуманитарных задач и поиск путей устойчивого прекращения огня и урегулирования конфликта должны осуществляться параллельно. Однако гуманитарная активность в условиях продолжающегося, затяжного вооруженного противостояния по определению имеет лишь паллиативный эффект – приоритет всегда должен быть за усилиями по прекращению огня и устойчивому урегулированию самого конфликта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О методологии и дефинициях Программы данных о конфликтах факультета исследований мира и конфликтов Уппсальского университета (Швеция) см.: URL: <https://www.pcr.uu.se/research/ucdp/definitions>.

² UCDP/PRIО Armed Conflict Dataset version 18.1. Uppsala Conflict Data Program / Peace Research Institute, Oslo, 2018. URL: <http://ucdp.uu.se/downloads>.

³ В 2014–2015 гг. интенсивность вооруженного конфликта на Донбассе превышала 1000 человек убитыми в год, что позволяет квалифицировать его в эти годы как «войну». В отличие от него, например, конфликт в/вокруг Южной Осетии в августе 2008 г. не достиг уровня интенсивности войны.

⁴ Частичные исключения составили только конфликты на Шри-Ланке и в Нигерии, где государственная власть сохранила дееспособность, хотя и не контролировала всю территорию страны.

⁵ Walter B. The new new civil wars // *Annual Review of Political Science*. V. 20. 2017. P. 469–486.

⁶ Из выступления народного комиссара иностранных дел Л.Д.Троцкого на переговорах в Брест-Литовске 10 февраля 1918 г.

⁷ UCDP Non-State Conflict Dataset, 1989–2017. URL: <http://ucdp.uu.se/downloads>.

⁸ Подсчеты произведены на основе: UCDP One-Sided Violence Dataset, 1989–2017. URL: <http://ucdp.uu.se/downloads>.

⁹ Global Burden of Armed Violence 2015: Every Body Counts. Geneva Declaration on Armed Violence and Development. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. Executive Summary. URL: http://www.genevadeclaration.org/fileadmin/docs/GBAV3/GBAV3_ExecSummary_pp1-10.pdf. P. 2.

¹⁰ Global Study on Homicide 2013: Trends, Contexts, Data. – Vienna: UN Office on Drugs and Crime (UNODC), 2014. P. 12.

¹¹ Подробнее см. Stepanova E. Armed conflict, crime and criminal violence // *SIPRI Yearbook 2010: Armaments, Disarmament and International Security*. — Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 37–60. См. также на рус. яз.: Степанова Е. Вооруженные конфликты, преступность и криминальное насилие // *Ежегодник СИПРИ 2010: Вооружения, разоружение и международная безопасность*. — М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 39–67.

¹² Мировые тенденции в области преступности и новые проблемы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия и способы их решения. Комиссия по предупреждению преступности и уголовному правосудию, 26-я сессия. Вена, 22-26 мая 2017 г. E/CN.15/2017/10. С. 4–6. URL: http://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/statistics/crime/ccpj/World_crime_trends_emerging_issues_R.pdf.

¹³ Schneiker A., Krahnemann E. Private Military and Security Companies: Capacity Gained – Accountability Lost? Transparency International Policy Paper for discussion at the 52nd Munich Security Conference, 12–14 February 2016. P. 2.

¹⁴ Loesche D. Contracted security // *Statista*. 2 March 2016. URL: <https://www.statista.com/chart/4440/private-military-and-security-company-sector>.

¹⁵ См. графики “US Forces and Contractor Personnel Strength in Afghanistan, 2001 to 2014”, “US Forces and Contractor Personnel Strength in Afghanistan, 2001 to 2014” и таблицу № 5 (Composite data): *Statistics on the Private Security Industry: US Data*. Sie Cheou-Kang Centre, University of Denver [accessed July 2018]. URL: http://psm.du.edu/articles_reports_statistics/data_and_statistics.html.

¹⁶ См. определение «гражданского лица» (в контексте международного конфликта) в статье 4 Женевской конвенции IV (1949 г.) и статье 50 Первого протокола к Женевским конвенциям (1977 г.).

¹⁷ Интервью с президентом МККК Петером Маурером // Гуманитарные вызовы современности. Дискуссия по гуманитарным вопросам: право, политика, деятельность. Международный журнал Красного Креста: избранные статьи из №№ 874–889. С. 7.

¹⁸ UCDP Fatalities Data, 1989–2017. URL: <http://ucdp.uu.se/#/exploratory>.

¹⁹ Подробнее об этой дискуссии см. Roberts A. Lives and Statistics: are 90% of war victims civilian? // *Survival*. V. 52. No. 3. 2010. P. 115–136. Эти оценки не включают погибших среди мирного населения не в результате военных действий, а в ходе преднамеренного и прямого (одностороннего) насилия против гражданских лиц.

²⁰ URL: <https://www.prio.org/Data/Armed-Conflict/Battle-Deaths/The-Battle-Deaths-Dataset-version-30>; <http://files.prio.org/ReplicationData/BattleDeathsDataset/PRIO%20Battle%20Deaths%20Dataset%203.0.xls>.

²¹ Подробнее см. Stepanova E. Trends in armed conflicts: one-sided violence against civilians // *SIPRI Yearbook 2009*. — Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 39–68 (также на рус. яз.: Степанова Е. Тенденции в сфере вооруженных конфликтов: одностороннее насилия против гражданского населения // Ежегодник СИПРИ 2009. — М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 41–76); Степанова Е.А. Глобальные тенденции в области одностороннего насилия против гражданского населения // *Общественные науки и современность*. 2010. № 6. С. 81–89. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0459/analit05.php>.

²² UCDP Conflicts Data through 2017. URL: <http://ucdp.uu.se>.

²³ UCDP Fatalities Data, 1989–2017. URL: <http://ucdp.uu.se/#/exploratory>.

²⁴ См., например, Cohen D.K., Nordås R. Sexual violence in armed conflict: Introducing the SVAC dataset, 1989–2009 // *Journal of Peace Research*. V. 51. № 3. 2014. P. 418–428.

²⁵ Подробнее о гуманитарных последствиях такого насилия в конфликтах на востоке Украины и в Сирии см. в этом спецвыпуске: Степанова Е.А. Гуманитарная роль России в конфликтах на Донбассе и в Сирии (в контексте «ответственности по защите») // *Пути к миру и безопасности*. 2018. №1(54). С. 129–181.

²⁶ Пан Ги Мун. МККК и изменяющийся гуманитарный ландшафт // *Гуманитарные вызовы современности*. Ук. соч. С. 23.

²⁷ UCDP One-Sided Violence Dataset, 1989–2017. URL: <http://ucdp.uu.se/downloads>; график “Type of One-Sided Actor, 1989–2016”. URL: http://www.pcr.uu.se/digitalAssets/667/c_667494-l_1-k_one-sided-actors-by-type--1989-2016.pdf.

²⁸ UCDP One-Sided Violence Dataset, 1989–2017. Op cit.; график “One-sided Fatalities by Type of Actor, 1989–2016”. URL: http://www.pcr.uu.se/digitalAssets/667/c_667494-l_1-k_one-sided-fatalities-by-type-of-actor--1989-2016.pdf.

²⁹ Наряду со специализированными базами данным по терроризму, большинство крупных терактов (с числом жертв от 25 человек убитыми) включено в статистику одностороннего насилия против гражданского населения.

³⁰ Глобальная база данных по терроризму, Национальный консорциум исследования терроризма и антитерроризма при Университете Мэриленда, США: Global Terrorism Database. National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START), University of Maryland. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd>. В 2015–2016 гг. наблюдалось некоторое сокращение основных показателей терроризма (в основном благодаря успешным действиям против «Боко Харам» в Нигерии и ИГИЛ в Сирии), однако они все же оставались одними из самых высоких в истории.

-
- ³¹ Global Terrorism Index: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism. – Sydney: Institute of Economics and Peace (IEP), 2015–2016.
- ³² Пан Ги Мун. Ук. соч. С. 23, 28.
- ³³ Global Trends: Forced Displacement in 2017. – Geneva: UN High Commissioner on Refugees (UNHCR), 2018. P. 2.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ Forcibly Displaced: Toward a Development Approach Supporting Refugees, the Internally Displaced, and Their Hosts. Washington D.C.: World Bank, 2017. P. 18.
- ³⁷ Global Trends: Forced Displacement in 2017. Ibid. В 2017 г. половина из 3,1 млн человек, подпадающих под еще одну категорию вынужденно перемещенных лиц (наряду с беженцами и ВПЛ) – людей, подавших прошение о получении убежища в другой стране и ожидающих соответствующего решения – также пришлось на развивающиеся страны.
- ³⁸ Global Trends: Forced Displacement in 2016. – Geneva: UN High Commissioner on Refugees (UNHCR), 2017.
- ³⁹ В 2017 г. в этом отношении лидировали ближневосточные страны, граничащие с Сирией (Ливан, принявший наибольшее число беженцев по сравнению с численностью собственного населения – в соотношении 1:6, Иордания – в соотношении 1:14 и Турция – в соотношении 1:23, но больше всех в абсолютных цифрах).
- ⁴⁰ Global Hunger Index 2015: Armed Conflict and the Challenge of Hunger. – Bonn, Washington D.C., Dublin: International Food Policy Research Institute, 2015. P. 3.
- ⁴¹ People Affected by Conflict: Humanitarian Needs in Numbers. Centre for Research on the Epidemiology of Disasters (CRED) report. – Brussels: CRED, 2013. P. 36.
- ⁴² Данные на 2012 г. по конфликтам в 24 странах мира, по которым удалось собрать относительно качественную и сравнимую статистику. People Affected by Conflict. Op. cit. P. 6.
- ⁴³ Подробнее о методологических сложностях оценки такого ущерба см., например, Alda E., McEvoy C. Beyond the Battlefield: Towards a Better Assessment of the Human Cost of Armed Conflict. Small Arms Survey Briefing Paper. – Geneva: Small Arms Survey, 2017.
- ⁴⁴ Подробнее см., например, Monitoring Trends in Violent Deaths. Small Arms Survey Research Notes. No. 59. – Geneva: Small Arms Survey, 2016. P. 3.
- ⁴⁵ Krause K. From armed conflict to political violence: mapping and explaining conflict trends // MIT Press Journal. V. 145. № 4. Fall 2016. P. 113–126.
- ⁴⁶ Global Burden of Armed Violence. – Geneva: Geneva Declaration Secretariat, 2008. P. 32. URL: <http://www.genevadeclaration.org/fileadmin/docs/Global-Burden-of-Armed-Violence-full-report.pdf>.
- ⁴⁷ Ibid. P. 42.
- ⁴⁸ Остальные 66% погибли от причин, не связанных с вооруженными конфликтами, в основном в результате криминального и бытового насилия. De Waal A. Armed conflict and the challenge of hunger: is an end in sight? // Global Hunger Index 2015. Op. cit. P. 23.
- ⁴⁹ People Affected by Conflict. Ibid.
- ⁵⁰ Подробнее см. De Waal A. Op. cit.
- ⁵¹ См., например, Fig. 3.1. // People Affected by Conflict. P. 24.

⁵² Автор статьи входит в экспертно-методологическую группу Глобального индекса мира (Global Peace Index) с момента его основания.

⁵³ Global Peace Index 2015: Measuring Peace, Its Causes and Its Economic Value. Institute of Economics and Peace (IEP) annual report. – Sydney: IEP, 2015. P. 75.

⁵⁴ UCDP Fatalities Data, 1989–2017. URL: <http://ucdp.uu.se/#/exploratory>.

⁵⁵ Armed Conflict and Location Event Data (ACLED) Project. Version 5 Data, 2015. URL: <http://www.acleddata.com>.

⁵⁶ Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. Резолюция, принятая Генеральной ассамблеей ООН 16 сентября 2005 г. A/RES/60/1, 24 октября 2005 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/60/1>.

⁵⁷ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 г. Резолюция, принятая Генеральной ассамблеей ООН 25 сентября 2015 г. A/RES/70/1. п. 35. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R. В ходе реализации «Повестки дня 2030» впервые в оценку прогресса в области устойчивого развития были включены 2 индикатора насилия, включая показатель 16.1.2: «число убитых в ходе конфликтов на 100 тысяч населения». Report of the Inter-agency and Expert Group on Sustainable Development Goal Indicators. Inter-agency and Expert Group on Sustainable Development Goal Indicators). 2016. E/CN.3/2017/2. P. 34. URL: <https://unstats.un.org/unsd/statcom/48th-session/documents/2017-2-IAEG-SDGs-E.pdf>.

⁵⁸ Основы концепции «ответственности по защите» были впервые официально закреплены в Итоговом документе Всемирного саммита ООН 2005 г. Ук. соч. п. 138–139. Подробнее в этом спецвыпуске см. все статьи Раздела 2, посвященного «ответственности по защите» (С. 92–128), а также статью: Степанова Е.А. Гуманитарная роль России в конфликтах на Донбассе и в Сирии (в контексте «ответственности по защите»). Ук. соч.

⁵⁹ К этому выводу на основе практического опыта операций ООН по поддержанию мира пришли и специалисты департаментов ООН по миротворческим операциям и по поддержке полевых миссий. По их мнению, «главным вкладом миссии ООН в защиту гражданских лиц служит поддержание мира в рамках эффективного мирного процесса». Draft DPKO/DFS Operational Concept on the Protection of Civilians in United Nations Peacekeeping Operations. – N.Y.: UN Department of Peacekeeping Operations (DPKO) / UN Department of Field Support (DFS), 2010. para. 18.